

18+

АЛЕКСАНДР КРЖИВЕЦКИЙ

ТА ДЕВУШКА

ШИФРОВАННАЯ ТЕЛЕГРАММА

Отъезд: Военного Агента

Кому: Оренбург

Откуда: изъ Вены

№ 925

Часть 1

Д. Копилов

17/11/14

Идана . 15
Получена . 15

Сегодня утром Сараевъ
вера наследнику

арбъ
Синкозь

16/11/14

Александр
Крживецкий
17/11/14

Расшифровалъ и подлинную ожегъ 16-го Января 1914 года.
Подполковник *Мурзилкин*

Александр Александрович Крживецкий

Та девушка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51847078

ISBN 9785449852892

Аннотация

Эта книга о русской разведчице (знаменитом негласном агенте №25), фрейлине светлейшей герцогини Гогенберг, которая в течение четырех лет (до начала Первой мировой войны) передавала из дворца Бельведер, официальной резиденции наследника престола эрцгерцога Франца-Фердинанда, в Генеральный штаб Российской армии сведения секретного характера о вооружении Австро-Венгрии, воинском контингенте, мобилизационных планах империи Габсбургов.

Содержание

Пролог	7
Глава I.	25
Глава II.	71
Глава III.	90
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Та девушка

**Александр Александрович
Крживецкий**

Дизайнер обложки Вера Филатова

© Александр Александрович Крживецкий, 2020

© Вера Филатова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-5289-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Александр Крживецкий

**Моей жене, Людмиле Александровне,
в 50-летнюю годовщину нашей совместной
жизни.**

Та девушка у темного окна

С той девушкой у тёмного окна
Виденьем рая в сутолке вокзальной
Не раз встречалась я в долинах сна.
Но почему была она печальной?
Чего искал прозрачный силуэт?
Быть может ей – и в небе счастья нет?

Марина Цветаева.¹

*Умейте узнавать углы событий
В мгновенной пене слов...*

Велимир Хлебников.²

¹ М. Цветаева. Встреча. Сборник стихов «Вечерний альбом».

² В. Хлебников. Легли разбиты, шкурой мамонта», 1920.

Пролог

В начале лета 1863 года в жизни молодого поручика, князя Юрия Любовецкого, произошли два важных события:

1. его, камер-пажа³, зачислили в Кавалергардский полк под командованием князя В. И. Барятинского; позже Юрию не раз приходилось за полкового адъютанта подавать рапорты Александру II в его нижнем царском кабинете – император ежедневно в полдень принимал полковых адъютантов в присутствии коменданта генерала Иосифа Велио⁴;

2. 7 июня того же года гвардейский офицер Ю. Любовецкий венчался в Софийском (Вознесенском) соборе Царского села с племянницей графа Бахметева-Протасова, командира 2-го лейб-эскадрона этого же полка, – Елизаветой.

Был яркий солнечный день. Со стороны Екатерининского парка и Большого пруда дул свежий ветерок, который гнал по небу полупрозрачные перистые облака. На куполах храма блестели золотые кресты.

Вначале на рысаках прибыл оркестр. Церемониймейстер, одетый в мундир с позументами, с шарфом через плечо, в церковь пока никого не впускал. Все ждали прибытия мо-

³ Камер-паж – придворный чин для несения придворной службы при Высочайшем дворе.

⁴ Велио Иосиф Иосифович, барон, генерал от кавалерии, комендант Нарвы и Царского Села.

лодых.

Вдруг загремел свадебный марш Мендельсона. Из кареты вышла невеста. Ее вели шафера – офицеры в красивых сверкающих золотом мундирах. Вслед затем приехал жених. Его сопровождали подружки в белых (с длинными тренами⁵) платьях. Сразу же под колоннадой образовался протяженный ряд великолепных пар.

В церкви ярко горели неисчислимы́е свечи. Еще оркестр на площади играл свадебный марш, а уже церковный хор приветствовал молодых обрядовой песней «Достойно есть яко во истину...». Мощные басы покрывали голоса теноров и дискантов. Певчие были одеты в установленную форму: в белое с золотом.

Вот отворились царские врата. На середину церкви вышел священник в митре, на которой блеснул алмазный крест. Священник шел по светло-голубому ковру, держа в руках распятие. Посреди церкви у аналоя молодая пара уже ждала священника. Лиза в белоснежном шелковом платье, в белой фате с флер д'оранжевым венком на голове. Рядом с ней стоял поручик Юрий Любовецкий в мундире кавалергарда,⁶ стриженный бобриком. Хор еще сильнее возвысил голос и вдруг неожиданно стих. Божественная литургия завершилась, и каждением начался обряд обручения. Священ-

⁵ Трен – то же, что шлейф.

⁶ Кавалергарды (от фр. *cavalier* «всадник» + *garde* «охрана») – гвардейская тяжелая кавалерия.

ник трижды благословил сначала жениха, потом невесту, и вручил им венчальные свечи. Рядом со священником стоял диакон – громадный, бородатый великан. После возгласов священника, диакон невероятно низким басом вторил ему, словно орган, а хор подхватывал его слова высокими дискантами и тенорами и нес псалмы высоко к куполам церкви. Шафера держали золоченые короны над головами молодых. Стоявший на правом клиросе церковный хор, наполнял церковь мощной, красивой мелодией.

Старые, убеленные сединой, кавалергарды в мундирах с золотым шитьем, стояли как на параде, время от времени широко крестясь, и даже пытались подпевать певчим. Высокие восковые свечи горели ровно, но пламя их вздрагивало при каждом могучем возгласе диакона.

Священник благословил молодых, надел им на пальцы обручальные кольца.

Хор загредел старую церковную песнь «Гряди голубице...»:

*«Гряди от Ливана, невесто, гряди от Ливана
Прииди, ближняя моя, добрая моя, голубице моя.
Яви ми зрак твой, и услышан сотвори ми глас твой:
Яко глас твой сладок, и образ твой красен...».*

Батюшка дал молодым поцеловать иконы, перекрестил их, помахал вокруг кадиллом. Диакон сопровождал священника во всех его действиях, словно огромная тень и бас его

усиливал торжественное ликование, звучащее в песнопениях.

После кратких молитв, молодым подали вино в чаше общения, в знак того, что их теперь ждет общая жизнь. Затем мужу и жене связали полотенцем руки и, под пение тропаря, священник трижды обвел новобрачных вокруг аналоя.

По окончании завершающих молитв целомудренным поцелуем, молодые засвидетельствовали святую и чистую любовь друг к другу. Церемония завершилась – родственники и друзья поспешили с поздравлениями.

При выходе под колоннаду церкви, новобрачных приветствовал оркестр, заиграв свадебный марш из «Лоэнгрин» («Верный союз ваших сердец»).⁷

Господа рассаживались по экипажам. Кучера неторопливо брались за поводья, трогали вороных и гнедых. Ехали к Александровскому дворцу, где на площади уже ломились столы с изысканными блюдами и лакомствами, и бил искристый фонтан шампанского...

Через неделю молодожены перебрались в Царское село и заняли фамильную дачу Любовецких на Малой улице. Лизонька была красивой, тревожной и таинственной женщиной, и Юрию казалось, что как раз такая и нужна ему – красивая и таинственная, не похожая на других: она должна была дать ему то, чего не мог он найти во всей предыдущей жизни. Там на даче, в Царском селе, зародилось их семейное

⁷ «Лоэнгрин» – романтическая опера Рихарда Вагнера.

счастье. Гостеприимная, радушная и внимательная, Елизавета создавала вокруг себя атмосферу уюта.

Семейное благополучие, однако, оказалось недолгим – в сентябре 1863 г., в связи с продолжающимся восстанием в Царстве Польском, поручик Любовецкий был отряжен в Лейб-гвардии Царскосельский стрелковый батальон и вместе с ним отбыл в Варшаву. Перед отправлением батальона, в офицерском собрании Александр II, напутствуя гвардейцев, сказал: «Все, что сделал в Царстве Польском мой отец – хорошо сделал! *Point de reveries, messieurs!* (Никаких иллюзий, господа!)».⁸

27 августа 1863 года либерально настроенный Великий князь Константин Николаевич (наместник Царства Польского) по совету императора уехал в Крым, а его обязанности стал исполнять граф Федор Федорович Берг, «хозяин строгий». Он предпринял решительные меры – установил военное управление в крае, городскую и земскую полицию подчинил военным властям, усилил охрану границы. Уже в феврале 1864 года последнее крупное воинское формирование мятежников под командованием Юзефа Гауке-Босака было разгромлено.

⁸ Александр II имел ввиду жесткое подавление революции 1830 г. в Царстве Польском российской армией, отмену Конституции Польши 1815 г., запрет иметь собственную армию. Была построена Александровская цитадель в Варшаве. Депутации от варшавских обывателей Николай I сказал: «Я устроил здесь цитадель. Говорю вам, что при малейшем волнении я прикажу стрелять в город, обрещу Варшаву в развалины и, конечно, не отстрою ее».

29 марта того же года Центральное Варшавское полицейское управление под началом генерал-майора Трепова арестовало все «народное правительство Польши» во главе с диктатором генералом Ромуальдом Траугуттом. Польское восстание 1863—1864 гг. фактически было подавлено.

А в апреле 1864 г. на имя поручика Ю. Любовецкого пришло скорбное сообщение из Санкт-Петербурга о том, что при родах погибли его любимая жена Елизавета и ребенок.

Юрий срочно выехал в столицу империи и после похорон подал на имя своего командира князя В. Барятинского прошение об отставке. Несмотря на уговоры друзей и родных, он настоял на своем решении.

С тех пор молодой человек все больше замыкался в себе, все тяжелее и мрачнее становились его мысли. Потеря близкого человека сочеталась в его душе с потерей самого смысла жизни. Он чувствовал себя побежденным, проигравшим бой со своей судьбой, и полностью отказался от светских развлечений и земных привязанностей, все чаще ходил в церковь, истово молился, вызывая к Всевышнему: «Зачем мне жизнь, уж лучше умереть, чем, оставаясь собственной тенью, прозябать в пустоте и холоде этого света».

Поздними вечерами, бесцельно бродя по опустевшим улицам столицы, он внезапно останавливался и, опершись о перила моста, пристально вглядывался в черные немые воды Невы и размышлял: «А не лучше ли разом со всем покончить? Только бы освободиться от груза боли в душе, только б

не испытывать ужас одиночества, когда ты покинут Богом и людьми».

Со временем, пытаясь заполнить душевную пустоту, в каком-то необъяснимом душевном угаре, Юрий увлекся оккультными науками, дни и ночи проводя в библиотеках, но это не приносило облегчения.

Однажды главный врач Царскосельского военного госпиталя Людвиг Флорианович Адамович, доктор медицины, искренне сочувствуя молодому человеку, познакомил его с известным целителем бурятом Цультимом Бадмаевым, который практиковал здесь (а также в Николаевском военном госпитале), согласно специальному Рескрипту императора Александра II.

Увидев новое медицинское светило, Юрий внезапно рассмехался, впервые за долгие месяцы, и постепенно этот смех перерос в чудовищно громкий, истерический хохот.

Быстрыми шагами Бадмаев подошел к Любовецкому и положил правую руку на голову страждущему – смех оборвался, на лице появилась блуждающая улыбка, и совершенно неожиданно они обнялись. В мгновение ока жажда жизни вернулась к офицеру, словно прилив в океане, и Юрий ощутил сладкую легкость на сердце, почувствовав в удивительном восточном человеке родственную душу.

Необыкновенна судьба этого специалиста тибетской медицины: по просьбе русских властей старший лама Агинской степной думы Цультим Бадмаев, успешно погасил в 1853 го-

ду в Чите эпидемию тифа. Его заслуги были высоко оценены правительством России: по ходатайству генерал-губернатора Восточной Сибири⁹ в 1857 году Цультим Бадмаев приехал в Петербург и, после аудиенции у императора, был прикомандирован на 2 года к клиникам Петербургской медико-хирургической академии, а затем принял православие и был наречен Александром Александровичем, в честь своего крестного отца – Императора России Александра II.

Юрий подружился с Александром Александровичем – они часто гуляли по паркам Царского села, пили черный турецкий кофе в ресторанах на Невском проспекте в Санкт-Петербурге, и Бадмаев как-то спросил Юрия:

– Что за беда случилась с Вами?

Князь отвечал:

– Я потерял человека, который составлял мое самое большое счастье, благодаря своей нежности ко мне и благодаря своим добродетелям, которые каждый день давали мне повод для восхищения.

Цультим накрыл своей рукой руку Юрия Любовецкого, чтобы тот немного успокоился, и по-дружески, ненавязчиво, стал посвящать своего юного друга в основы четырех благородных истин буддизма: *существует страдание; существует причина страдания – желание; существует прекращение*

⁹ Генерал-губернатором Восточной Сибири в то время был граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский, генерал от инфантерии, генерал-адъютант, основатель Хабаровска и Владивостока.

страдания – нирвана. Ее сущность – отсутствие желаний, страстей, уход от мира; полный покой, абсолютная непроницаемость для желаний и страстей; наконец, – существует путь, ведущий к прекращению страдания, – Срединный (Восьмеричный путь) – истинное воззрение, истинное намерение, истинная речь, истинные поступки, истинный образ жизни, истинное усердие, истинное размышление, истинное сосредоточение. Такова благородная истина о пути, ведущем к утолению всякой скорби. Они составляют суть первой проповеди Будды, заключенной в «Сутре запуска Колеса Дхармы».¹⁰

Далее лама убеждал: «Не надо бояться смерти. Жизнь и смерть не противоположны одна другой, а вместе составляют одно целое. Эти две сущности тесно сплетены друг с другом, как молекулярные цепочки. Смерть не появляется в момент окончания жизни, а существует, «живет» параллельно жизни. Любой наш страх, испуг, волнение – это её лапа. Прежде люди знали (а быть может, догадывались), что содержат в себе свою смерть, как содержит косточку плод. Дети носили в себе маленькую смерть, взрослые большую. Женщины носили ее в утробе, мужчины – в груди. Она и у тебя была, хотя ты ее и не замечал, – продол-

¹⁰ Колесо Дхармы – в переводе на английский: Dharmacakra (Дхармачакра) «колесо закона» или мандала — символ непрекращающегося круга рождений и смертей (самсары). Самая первая проповедь Будды Шакьямуни. Сутра букв. – путеводная нить, линия поведения, правило, данное в виде афористического высказывания.

эжал лама, – и это придавало тебе особенное достоинство и тихую гордость. К тому, кто спокойно следует за временем и обстоятельствами, нет доступа ни печали, ни радости, и ужас не проступает в пригоршине праха. Жизнь – это медленный путь к смерти, и она неизбежна, поэтому к ней надо готовиться на протяжении всей своей жизни, стараясь делать только добро, чтобы на небесах достичь нирваны.

Когда-то великий тибетский поэт Джецюн Миларепа сказал:

*«Мгновения летят, и жизнь сокращается,
Постоянно сходит на нет —
с каждым днем, месяцем, годом.
Время смерти неизвестно,
Так что повторяйте мантру «Мани»,
отважные друзья».*¹¹

Сакральная¹² книга ламаизма – «Бардо Тхедол» («Книга мертвых»), состоит из трех частей: первая – «Чикай Бардо» посвящена процессу умирания и психологическому состоянию, которое в это время испытывает человек; вторая – «Хониид Бардо» описывает состояние души непосред-

¹¹ Миларепа Дж. Музыка снежных вершин. Издание на русском языке, оформление – ООО «Ориенталия», 2015. С. 1.

¹² Сакральная – священная.

ственно после смерти: человек видит нечто, подобное сновидениям, так называемые «кармические иллюзии»; третья часть – «Сидпа Бардо» повествует о том, как душа воспринимает приближение нового рождения.

Когда человек умирает, именно лама обеспечивает душе умершего наилучшие условия выхода из тела. Необходимо, чтобы она вышла через макушку. Для этого лама определяет, сколько необходимо провести хуралов,¹³ в каком порядке они должны следовать, каким образом надо выносить тело из жилища, кто из близких покойника должен участвовать в обряде погребения.

Провожая усопшего в последний путь, лама читает «Бардо Тхедол» – он дает покойнику указания, как вести себя в мире ином, чтобы помочь душе освободиться от Колеса Самсары (Сансары).¹⁴ Достоинно пройдя весь путь до конца, человек получает освобождение. Лишь познавший, что всякое существование есть лишь страдание, и искренне желающий вернуться к своей истинной природе, может вырваться из круга иллюзорного, но тягостного существования и слиться с изначальным Светом, породившим весь мир.

– Мой молодой друг! Я желаю тебе всяческого благополучия и процветания. Я желаю тебе доброго здоровья, ра-

¹³ Хуралы – молебны.

¹⁴ Колесо Самсары – «Заколдованный или порочный круг», обозначающий череду повторяющихся неблагоприятных событий, которые ставят человека в тупик и не дают двигаться дальше по жизни.

достного досуга и долгой жизни. Дай тебе счастья в следующей жизни родиться в Чистой Стране Будды, – завершил свои наставления лама Бадмаев.

Так впервые Юрий Любовецкий познакомился с чарующей красотой восточного учения, и провел всю оставшуюся жизнь в дальних путешествиях по странам Юго-Восточной Азии, Индии, Тибету, Афганистану, Персии, пытаясь обрести покой и начатки нового смысла жизни.

Юрий оказался человеком больших страстей, который всегда стремился к крайностям (несмотря на наставления ламы А. Бадмаева – возможно потому, что уход от активной мирской жизни неприемлем для человека европейской культуры). Ему везде и неизменно была свойственна чисто русская глубина чувств, истовое благочестие и мудрость. Он был благороден и практически в каждом поступке обаятелен и приветлив. Все, что он делал, говорил и писал, давало ощущение неизбывной доброты; в быту же Юрий проявлял великолепное, по-русски безудержное расточительство.

Чаще всего и подолгу князь обитал в Константинополе, обзаведясь здесь многочисленными друзьями среди русских дипломатов, видных чиновников и местной аристократии. Например, каждое утро Кавашбаши (шеф Константинопольской полиции) подъезжал к дому князя на шикарном черном кабриолете¹⁵ справиться о здоровье и благополучии уважае-

¹⁵ Кабриолет – легкая одноосная конная повозка со складывающейся крышей.

мого человека и засвидетельствовать ему свое почтение.

В путешествиях по дальним странам князь обрел хороше-го друга – известного философа и мистика Георгия Гурджи-ева¹⁶, дружба с которым длилась почти сорок лет, до самой смерти князя.

Однажды Георгий Гурджиев во время очередного пу-тешествия оказался проездом в Стамбуле и задержался на несколько дней в гостях у Ю. Любовецкого. Встреча ока-залась весьма сердечной. Во-первых, – у ворот дома его встретил дружескими объятиями мажордом¹⁷ князя, армя-нин почтенного возраста, Мариам Бадья, с которым Гурджи-ев был в приятельских отношениях, во-вторых, – на обшир-ной веранде дома его ждал с огромным рогом вина в руках сам хозяин.

В ходе задушевной беседы, далеко за полночь, князь по-ведал Георгию причину того, почему он оказался в Констан-тинополе, хотя первоначально предполагал быть в это вре-мя на Цейлоне, и обратился с необычной просьбой к своему другу. Речь шла о некой Татьяне Витвицкой, девушке из Рос-сии, которую Любовецкий фактически спас от сексуально-го рабства, и теперь просил Гурджиева сопроводить юную особу в Россию: «Я отправляю ее к своей сестре в Тамбов-ское имение, где она сможет оправиться от всего пережито-

¹⁶ Отец Гурджиева был известным среди жителей Кавказа и Средней Азии ашу-гом (поэтом и сказителем) по прозвищу Адаш.

¹⁷ Мажордом – управляющий имением.

го, а там будет видно».

Далее последовал рассказ Юрия Любовецкого: «Неделю тому назад, собираясь на Цейлон, уже на борту корабля среди других провожающих я увидел атташе российского посольства, который обратил мое внимание на одного из пассажиров, вполне представительного господина.

– Взгляните на этого достойного джентльмена, – сказал атташе, – вы мне не поверите, но это известный торговец живым товаром. Кто бы мог догадаться об этом, основывая свои впечатления на его наружности!

В суете, предшествующей отплытию, я не уделил особого внимания этому сообщению и вскоре совсем выбросил его из головы.

Корабль отчалил, была чудесная погода, поэтому я почти все время проводил на палубе, прогуливая своего фокстерьера Джека.

К нам подошла очаровательная девушка и, приласкав собаку, протянула ей на ладони кусочек сахара. Так как Джек был приучен ничего не брать у чужих без моего разрешения, он вопросительно взглянул на меня, наострив уши. После того как я позволил собаке съесть сахар, мы разговорились, и оказалось, что девушка прекрасно говорит по-русски. Она представилась Витвицкой и рассказала мне, что отправляется в Александрию, чтобы поступить гувернанткой в семью русского консула.

Во время нашей беседы пожилой джентльмен, на которо-

го мне указал атташе, приблизился к нам и позвал девушку, после чего они вместе куда-то ушли.

Я вспомнил то, что было сказано об этом господине, и его знакомство с моей собеседницей показалось мне подозрительным. Еще покопавшись в памяти, я припомнил, что семья русского консула в Александрии, с которым я был хорошо знаком, не нуждалась в услугах гувернантки.

Мои подозрения усилились настолько, что я в ближайшем же порту в Дарданеллах послал телеграмму консулу, упомянув в ней о девушке-гувернантке, и еще одну отправил своим друзьям в Салоники, куда корабль должен был вскоре прибыть. Я также поделился своими подозрениями с капитаном нашего судна.

Еще до прибытия в Салоники мне все стало ясно: девушку заманили в сети путем обмана и дальнейшая судьба ее ужасна. Я почувствовал себя обязанным изменить ход событий и принял решение отправить ее обратно в Россию, а до тех пор, пока не устрою ее судьбу, прервать поездку на Цейлон. Мы вместе покинули корабль в Салониках и в тот же день поднялись на борт судна, которое следовало в Константинополь. Вскоре выяснилось, что в России у девушки нет никого, кто бы мог о ней позаботиться, вот почему я задержался здесь».¹⁸

На третий день с утра, как обычно, явился стамбульский Кавашбаши, и, смущаясь, поведал нам о том, что князя и опекаемую им девушку разыскивают какие-то темные людишки (башибузуки), а финансирует их благообразный господин, снимающий довольно роскошный номер в гостинице для иностранцев.

По описанию, данному шефом полиции, стало ясно, что это тот самый торговец живым товаром, от которого сбежала с помощью Юрия Любовецкого Татьяна Витвицкая. Произошло шумное обсуждение возникшей непредвиденной ситуации, все были чрезвычайно обеспокоены, но офицер полиции Али Энвер Бей-Эфенди просил всех не беспокоиться.

¹⁸ Гурджиев Г. Встречи с замечательными людьми. Часть VI. Князь Юрий Любовецкий. ЛитМир.

И действительно, за два дня до отправления парохода в Батум, благообразный господин был задержан стамбульской полицией в духане, где он сидел в подавленном состоянии и лениво ел «хаш» с чесноком. Подозреваемый был тщательно обыскан и сопровожден в участок, а уже вечером –пил свой любимый турецкий чай в обществе сокамерников во внутренней тюрьме.

Гурджиев в своих набросках оставил портрет Татьяны Витвицкой: «Это была очень красивая леди с чудесными карими глазами и изящной фигурой. Ее взгляд выдавал сильную натуру, и я подумал, что Таис Афинская¹⁹ наверняка была женщиной того же типа. Несмотря на всю ее привлекательность, я продолжал испытывать к ней смешанные чувства, иногда презирая, иногда жалея, а иногда и любуясь ею».²⁰

Что-то в этой потомственной дворянке, оставшейся сиротой, смущало великого провидца и философа. Обычно Георгий Иванович без труда «просвечивал» сущность человека, видел сильные и слабые стороны его характера, мог с легкостью им манипулировать. В случае же с Витвицкой он как-бы натыкался на глухую стену – не мог понять это юное создание, определить стержень ее натуры, предсказать возмож-

¹⁹ Таис Афинская – известная афинская гетера, пользовавшаяся благосклонностью Александра Македонского.

²⁰ Гурджиев Г. Встречи с замечательными людьми. Часть VI. Князь Юрий Любовецкий. ЛитМир – Электронная библиотека.

ную реакцию на ту или иную жизненную ситуацию. Поэтому он как никогда ранее нервничал и сердился. И интуиция не обманула его, – Татьяна Витвицкая являлась тайным агентом отдела генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба,²¹ на который возлагалась ответственность за организацию разведки стратегического характера в сопредельных с Россией странах. А вся история о печальной судьбе юной несчастной девушки из России, была многоходовой операцией этой службы по внедрению Витвицкой в окружение князя Юрия Любовецкого и его сестры – Анны! Но об этом Георгий Иванович так и не узнал.

В своих воспоминаниях далее Гурджиев пишет: «Прибыв с ней в Тамбов, я оставил ее у сестры князя, которая очень полюбила Витвицкую и взяла ее с собой за границу, где они долгое время жили, особенно в Италии. Мало-помалу под влиянием самого князя и его сестры молодая женщина... занялась самообразованием, много работала над собой, и каждый, кто беседовал с ней хотя бы один раз, отмечал ее острый ум и глубокие познания».²²

Так начиналась эта удивительная история.

²¹ С 30 сентября 1909 года начальником Главного управления Генерального штаба назначен генерал-лейтенант Гернгросс Евгений Александрович.

²² Гурджиев Г. Встречи с замечательными людьми. Часть VI. Князь Юрий Любовецкий. ЛитМир – Электронная библиотека.

Глава I.

Великосветская Одиссея

*Сладко нежится Везувий,
Расплескавшись в сонном небе.
Бьются облачные кони,
Поднимаясь на зенит,
Но, как истый лаццарони,²³
Все дымит он и храпит.
Николай Гумилев.²⁴*

Ранним июльским утром к центральному причалу круизного порта Неаполя Беверелло (Molo Beverello), расположенного прямо в центре города, пришвартовался крупнейший в мире пассажирский лайнер «*Celtic*», английской паровой компании «*Уайт стар*», прибывший из Одессы с большой группой путешествующей публики.

Среди прочих пассажиров, с борта судна, в сопровождении стюардов, по трапу не спеша сошли на причал две женщины, в длинных белых элегантных платьях, с летними зонтиками в руках, и были сопровождены к сияющему лаком американскому авто марки *Packard Model L*, оливкового цвета. Здесь дам приветствовал худощавый блондин, с изящными

²³ Лаццарони – неаполитанский бедняк.

²⁴ Гумилев Н. С. Поэтический сборник «Колчан». Неаполь. М., 1999.

манерами, орлиным профилем и бородкой клинышком. Высокий, стройный, с тонким умным лицом и глазами, горевшими чудесным синим огнем, – он был невыразимо красив в своем сером костюме-тройке со шляпой-канотье в левой руке.

– Аннушка! Я рад встречи с тобой. Как ваше плавание, все ли было удачно?

Иван Алексеевич Бунин

– Милый Иван Алексеевич! Дайте я Вас поцелую! – Все было прекрасно: солнечная погода, почти полный штиль, удобные каюты, отменное питание – хамон²⁵, прошутто²⁶

²⁵ Хамон – испанский деликатес, сыровяленый свной окорок.

²⁶ Прошутто – итальянская ветчина.

и суши в свободном доступе в буфете; лобстеры, эскарго²⁷, крабы, шампанское и сливочное мороженое в меню ужина; блинчики с кленовым сиропом, экзотические фрукты и ягоды на завтрак. – Да что это я о нашем турне! Дайте на Вас наглядеться, Боже правый! – Вы похожи на волшебный луч какого-то чудного русского дня!

– Познакомьтесь, – это моя прелестная компаньонка по путешествию – Татьяна Витвицкая! Она уже совершала круиз с моим братом по Эгейскому морю, побывала в Константинополе и Салониках.

– Иван Бунин, – джентльмен склонился в полупоклоне навстречу протянутой руке молодой девушки и осторожно пожал кончики пальцев. Затем вновь обратился к Любовецкой:

– Анна, пора отправляться! Весь багаж уложен, я определил вас в гостиницу «Grand Hotel Vesuvio» на набережной Неопалитанского залива – это недалеко. Оттуда прекрасный вид на тонкие очертания острова Капри, где мы с Верой Николаевной²⁸ поселились в отеле «Paganò» на Via Vittorio Emanuele. Жду вас в гости на следующей неделе.

Через несколько минут автомобиль плавно подкатил к отелю на Лунгомаре Карачоло. Водитель и служащий отеля выгрузили багаж.

²⁷ Эскарго – изысканное французское блюдо из улиток под сухое белое вино.

²⁸ Вера Николаевна Муромцева-Бунина – жена И. А. Бунина, переводчица, писатель, племянница С. А. Муромцева, председателя Первой Государственной Думы.

– *In bocca al lupo!* – прокричал Иван Алексеевич.²⁹

– *Arriveder La! Ci vediamo!* — дружно ответили леди.³⁰

И автомобиль, фыркнув, исчез, повернув на виа Партенопе.

Все последующие дни Анна Любовецкая и Татьяна Витвицкая посвятили осмотру достопримечательностей города: базилики Сан Франческо ди Паоло на Дворцовой площади, катакомб Сан Гаудиозо, Королевского дворца и Дворца префектуры, замков Кастель Нуово и Кастель-дель-Ово, галереи Умберто.

Воскресным днем они на маятниковом фуникулере, состоящем из двух больших вагонов, поднялись на Везувий,³¹ действующий вулкан (примерно в 15 км от Неаполя), высотой 1281 м., и заглянули в его жерло. Перед глазами «всплыла» картина Карла Брюллова «Последний день Помпеи» — ужас на лицах обреченных людей, у которых уже нет путей отступления, нет надежды. Под впечатлением этой картины, А. С. Пушкин когда-то написал стихотворение «Везувий зев открыл»:

*Везувий зев открыл —
дым хлынул клубом — пламя
Широко развилось, как боевое знамя.
Земля волнуется — с шатнувшихся колонн*

²⁹ Ни пуха ни пера! (Дословно: К волку в пасть!).

³⁰ До свидания! Увидимся!

³¹ Фуникулёр к кратеру Везувия был торжественно открыт в 1880 году, но впоследствии оказался разрушенным, в результате извержения вулкана.

*Кумиры падают! Народ, гонимый страхом,
Под каменным дождем, под воспалённым прахом,
Толпами, стар и млад, бежит из града вон.*³²

На вершине вспомнили о том, что в 1846 году знаменитый Джузеппе Гарибальди³³ перед строем итальянских легионеров вручил своему сподвижнику Сакки, храбрейшему из храбрых, знамя итальянского легиона — **черное полотнище с извергающим дым и пламя Везувием**. — Храни его, Гаэтано, как зеницу ока, — сказал он. — Пока не освободим Италию от чужеземцев и тиранов и не водрузим наш Триколор (трехцветное итальянское национальное знамя) над Квириналом!³⁴

Поговорили и о недавнем сенсационном событии — автопробеге отечественного автомобиля «Руссо-Балт», проходившем по маршруту Санкт-Петербург – Берлин – Сен-Готард – Рим – Неаполь – Берлин – Санкт-Петербург. В пробеге автомобиль преодолел более 10 тысяч км, в том числе и подъем на Везувий.³⁵

³² Август-сентябрь 1834 год.

³³ Гарибальди был главным героем Риссорджименто – объединения Италии и освобождения итальянцев от гнета Австро-Венгрии и Франции.

³⁴ Квиринал – самый высокий из семи холмов Рима, на северо-востоке от исторического центра города.

³⁵ Автопробег начался 28.08.1910 года. Капитаном экипажа был российский автогонщик А. П. Нагель.

К. Брюллов «Последний день Помпеи»

Вечером того же дня они слушали великого Энрико Карузо в опере Понкьелли «Джоконда», в театре Сан-Карло, который поражал зрителей: «Не существует ничего в Европе, сопоставимого с этим театром, ничто не может дать ни малейшего представления о том, что это такое, он ослепляет глаза, он восхищает душу...», – писал французский писатель Стендаль.³⁶ И он был прав: при одном взгляде на знаменитый неаполитанский театр оперы и балета Сан-Карло слова куда-то исчезали, оставив в душе лишь бесконечное восхищение.

³⁶ Мари-Анри Бейль (Стендаль). Речь на инаугурации театра 12 января 1817 г.

Сцена театра «Сан-Карло» в Неаполе

В начале следующей недели наши леди расположились на палубе небольшого парходика «Мафальда» следующего на остров Капри, который еще древние римляне называли «Волшебным», «Сказочным».

«Капри – остров двойственный, двуликий... С одной его стороны холмистая возвышенность, спускающаяся к водной глади плавными уступами, с другой – нагромождение диких скал, обрывающихся в море: миры Капри и Анакапри,³⁷ разделенные высокой скалистой стеной Соларо»³⁸, – так пере-

³⁷ Небольшие города на острове Капри.

³⁸ Амедео Майури. Посвящение Капри. Независимая Академия эстетики и сво-

дает Амедео Майури, неаполитанский археолог, своеобразие острова, где плодородные поля чередуются с крутыми обрывами, а спокойные сельские пейзажи резко контрастируют с доломитовыми скалами-утесами, выставившими свои пики высоко над морем.

Остров Капри

Неправильность и изменчивость острова производят впечатление странности, сильной противоречивости. Он поражает воображение, пробуждает эмоции и вызывает субъективные представления. Казалось бы, просто сколок приро-

ды, но Капри притягивает так, как может привлечь необычная индивидуальность, приводящая в восторг своей несхожестью ни с чем иным. Не буквально остров (Isola), а изолированное духовное пространство, в котором обыденность трансформируется в миф, становится метафорой в царстве воображения, позволяя заново обнаружить самого себя и постичь скрытые смыслы нашего присутствия в мире.

Капри – остров, с которым связаны многие легенды и мифы. Ведь именно здесь обитали и коварные Сирены, завлекавшие путников своим колдовским пением, и страшные одноглазые великаны Циклопы, о которых нам поведал великий Гомер:

*«Далее поплыли мы, сокрушенные сердцем, и в землю
Прибыли сильных, свирепых, не знающих правды
циклопов.*

*Там беззаботно они, под защитой бессмертных имея
Все, ни руками не сеют, ни плугом не пахнут; земля там
Тучная щедро сама без паханья и сева дает им
Рожь, и пшено, и ячмень, и роскошных кистей винограда
Полные лозы, и сам их Кронион³⁹ дождем оплождает.
Нет между ними ни сходбищ народных, ни общих
советов;*

*В темных пещерах они иль на горных вершинах высоких
Вольно живут; над женой и детьми безотчетно*

³⁹ В древнегреческой мифологии Кронионом именовался царь богов – Зевс.

*Там каждый властвует, зная себя одного, о других не заботясь».*⁴⁰

Да, это – поистине самый сказочный из миров – остров, который Римский Император Август назвал Апрагополисом – «городом сладкого безделья», «раем праздности». Возникший при Августе образ Капри как острова-вотчины, острова-виллы окончательно утверждается в эпоху его преемника Тиберия. Согласно Тациту, во времена императора-затворника Тиберия на Капри появились двенадцать императорских вилл, по числу главных божеств античного Пантеона. Некоторые из них, к примеру, вилла Юпитера и вилла Дамекута, сделались эталонами для вилл последующих римских императоров Нерона, Домициана и Адриана. Вот как описывал тот Капри Иван Бунин в рассказе «Остров сирен»:

«Весь остров был в то время сплошным садом, покрыт каменным дубом, любимым деревом Августа, – с уступов гор всюду сходили к морю высеченные в скалах террасы; водопроводы были проложены на арках и доставляли дождевую воду в нимфеи⁴¹, украшенные мраморными и бронзовыми статуями; климат острова, его бальзамический воздух славился своим здоровьем, что на деле доказывали и еще доселе доказывают столетние каприйские старцы; сказочно было каприйское обилие всякой птицы, рыб, устриц, омаров; ви-

⁴⁰ Гомер. Одиссея. Песнь 9-я, 105—115.

⁴¹ Здесь – пруды в саду.

на каприйские были превосходны... Выбор Тиверия остановился на Капри потому, что остров напоминал ему Грецию, но больше же всего по-другому: Капри был неприступен, высадиться на нем было трудно, а миновать стражу невозможно, и Цезарь, с высоты своего убежища, всегда видел не только все, что творилось на острове, но и все корабли, шедшие мимо острова во всех направлениях...»⁴².

Остров поднимается с морского дна известняковым двуглавым монолитом, который оседлали два города. В небольшой долине, примыкающей к Монте Тиберио, расположился Капри, а на середине другой – Монте Соляро – завис Анакапри. Какой из них древнее – неизвестно. Если верить крупнейшему ученому античности Страбону, то оба они существовали с незапамятных времен, и дали острову название, происходящее от финикийского «Каприам», – что и значит «Два города».

Не успели наши путешественницы пришвартоваться и ступить на землю, как буквально задохнулись ароматом цветущих трав и деревьев, среди которых доминировал запах лимонного дерева. И не случайно. Лимоны, произрастающие здесь в изобилии, необычные. Они огромные. Размером с большой апельсин или маленькую дыню. Из них варят варенья и джемы, готовят настойки и знаменитый ликер – «лимончеллу», что продается в самой разнообразной таре – от крошечных сувенирных бутылочек до солидных фирмен-

⁴² Бунин И. А. «Остров Сирен». Собр. Сочинений в 9-ти томах. Т 7. С. 286.

ных емкостей.

Недалеко от главного порта Марина-Гранде, молодые дамы поселились в отеле «Quisisana» со своим довольно впечатлительным багажом – служащие отеля доставили в номер большой сундук и целую грудку чемоданов, кофров, баулов, коробок.

Необходимо иметь в виду, что начало XX века в высшем свете отличалось роскошными дамскими туалетами. Женская одежда стала более изящной и удобной. Мода, которая разрабатывалась профессиональными художниками-модельерами, предлагала создать из женщины невесомый, идеальный образ прекрасного цветка. Великосветские дамы переодевались несколько раз в день: с утра в домашнее платье, затем в платье для визитов или костюм для прогулок, в обеденное платье, «чайное платье», в театральное платье, платье для приемов, бальное платье. Женщина была показателем состоятельности своего мужа, опекуна, любовника.

Кроме того, в багаже были внушительные шляпные коробки и многочисленные картонные коробки с обувью, маленькие бонбоньерки для сладостей, летние зонтики. Добавьте сюда множество кожаных и бархатных футляров с туалетными принадлежностями: ручными зеркалами в серебряных окладах, роскошными расческами, шпильками, заколками, булавками, брошками, ювелирными украшениями. Тут же множество флаконов с парфюмом: одну капельку знаменитого аромата Cherry Blossom утром, когда про-

гоняем сон с наших глаз, или более щедро по вечерам Le Parfum Idéal фирмы Houbigant – французского дома с завидным аристократическим наследием, ведущий свою историю с 1775 года.⁴³ На великосветский раут или в театр предпочтительны были духи Серебряного века White Rose фирмы Atkinson, чтобы привлечь к себе внимание. Парфюм всегда был с дамами. Все стали носить «саше»⁴⁴ к Рождеству, которые наполняли шариками с ароматом сандала.

Аромат, в зависимости от того, кто им пользуется и с какой целью, может означать власть, эмансипацию, красоту, извращенность, покорность или бегство.⁴⁵ А изящные флаконы от Lalique и кожаные бювары с тисненой бумагой для письма с рисунком, фирм Houbigant, Guerlain, Coty и Caron были сами по себе произведениями искусства. В багаже была и модная продукция российской парфюмерной фабрики «А. Ралле и Ко».

Игорь Северянин в своем «Рондо» сравнивает дамские духи с ядом:

*«Твои духи, как нимфа, ядовиты
И дерзновенны, как мои стихи.*

⁴³ Когда Мария Антуанетта пыталась бежать от якобинцев, переодевшись в крестьянское платье, ее задержали и разоблачили благодаря исходившим от нее волнам аромата от Houbigant.

⁴⁴ Мешочки с сухими духами.

⁴⁵ Именно в начале двадцатого века стали наносить парфюм на кожу, а не на носовой платок, а ароматы стали сугубо женскими или сугубо мужскими.

Роса восторг вкусившей Афродиты —

Твои духи!

Они томят, как плотские грехи,

На лацкан сюртука тобой пролиты,

Воспламеняя чувственные мхи...

Мои глаза — они аэролиты! —

Низвергнуты в любовные мехи,

Где сладострастят жала, как термиты,

Твои духи!».

«Belle époque»⁴⁶ была немыслима без удивительных, роскошных, сладких или терпких духов, без изящных флакончиков и красивых, выпрєнных наименований. Прекрасная Дама, которую поэты сравнивали с цветком, была просто обязана благоухать! А в дополнение — макияж.

Макияж, как общекультурное явление, своим новым рождением и эволюцией обязан кинематографу Макс Фактору (Max Factor), поляку, работавшему сначала гримером при императорском театре в России, а позже эмигрировавшему в Америку, где он получил должность гримера в Голливуде и создавал экранные образы знаменитых кинодив.

Макс Фактор вывел основной принцип «цветовой гармонии» макияжа. Впервые в истории косметики он указал на то, что пудра, румяна, тушь и помада должны быть согласованы по тонам с естественным цветом лица (космети-

⁴⁶ «Прекрасная эпоха» — период европейской истории между последними десятилетиями XIX века и 1914 годом.

ческая линия Society Make-up – светский макияж).

После утомительных минут по разбору и распределению, с помощью горничных, по ящикам, полкам, комодам и шкафам гигантской кучи всевозможного барахла, наши леди вышли из гостиницы на площадь Пьяцетты и, наконец, отыскали отель, где жили Бунины. Здесь они впервые увидели Веру Николаевну Муромцеву-Бунину – молодую красивую женщину – не даму, а именно женщину, – высокую, с лицом камеи, гладко причесанную блондинку с узлом волос, сползающих на шею, голубоглазую, даже, вернее, голубоокою – яркую московскую красавицу, неторопливую и основательную. Некоторые отмечали ее сходство с Мадонной. Вера получила прекрасное образование (была слушательницей Высших женских курсов Герье).⁴⁷ Она серьезно изучала химию, знала четыре языка, занималась переводами, увлекалась современной литературой.

Далее дружной компанией все вместе они отправились к Максиму Горькому, на виллу «Villa Spinola»⁴⁸, расположенную в конце Via Sopramonte на крутом склоне над Большой бухтой.

⁴⁷ Московские Высшие женские курсы Герье были открыты в 1872 г. по инициативе историка, профессора Московского университета, В. И. Герье, который и стал их директором.

⁴⁸ Дом писателя всегда был готов к встрече гостей. Один англичанин, проходивший мимо дома Горького, принял его за ресторан. Он прошел на веранду, заказал ужин и его действительно обслужили. Но когда англичанин поужинал и захотел расплатиться, денег с него не взяли, объяснив, что это дом Горького.

Во внутреннем дворике гостей встретила Катя Желябужская (падчерица Алексея Максимовича) и провела их на веранду, где они попали в объятия Марии Андреевой и Алексея Максимовича...

Вилла, где жил Горький, была просторной, комфортно обставленной и окружена цветущим садом, с ослепительным видом на море.⁴⁹ Этот буржуйский люкс несколько смущал Алексея Максимовича, словно бы он примерил чужую одежду.⁵⁰ Но Мария Андреева, следившая за его здоровьем и настроением, поспешила заверить писателя, что он нуждается в этом спокойствии, чтобы продолжать заниматься творчеством.

Весь второй этаж виллы занимал большой зал с панорамными окнами из цельного стекла длиной три и высотой полтора метра. Там находился кабинет Горького. Мария Федоровна, занимавшаяся (помимо домашнего хозяйства) переводами сицилийских народных сказок, находилась на нижнем этаже, откуда вела наверх лестница, и при первом же зове она спешила на помощь мужу. Для писателя был специально построен камин, хотя обычно дома на Капри отапливались жаровнями. Возле окна, выходящего на море, стоял покрытый зеленым сукном большой письменный стол на весь-

⁴⁹ Вилла принадлежала немецкому эпидемиологу Эмилио фон Берингу, лауреату Нобелевской премии. Горький арендовал ее в 1909—1911 годах.

⁵⁰ В XXI веке – это частная собственность и на вилле «Спинола» сейчас проживает 18 семей.

ма длинных ножках – чтобы Горькому, с его высоким ростом, было удобно сидеть и работать. Повсеместно в кабинете, на столах и всех полках располагались книги и журналы.

Алексей Максимович – высокий и широкий в плечах, несколько сутулый, рыжеватый мужчина с голубыми глазками, быстрыми и уклончивыми из под длинных ресниц, утиным носом в веснушках, с широкими ноздрями и желтыми усиками, которые он, покашливая, все время поглаживал большими пальцами: немножко поплюет на них и погладит. У него были большие, ласковые, как у духовных лиц, руки. Здороваясь, он долго держал твою руку в своей, приятно жал ее.

«Его лицо показалось мне красивее красивого, радостно екнуло сердце», – вспоминала Мария Федоровна свою первую встречу с Алексеем Максимовичем.

Сама Мария Андреева, знаменитая русская актриса Московского Художественного театра, – стройна и элегантна; на ее лице тень меланхолии, ее движения медленны и спокойны.

Кажется, Михаил Лермонтов говорил, что красота лица определяется формой носа. У Андреевой был чудесный нос, с тонкими, точеными ноздрями. В ней все было красиво. Когда она улыбалась, уголки ее рта подымались, лукаво, заманчиво. И глаза смеялись, продолговатые, светло-карие, влажные. Кожа у нее была такая, что даже под беспощадным солнцем юга она не боялась показываться без румян и бе-

лил. Не мудрено, что по ней сходили с ума, а, завидев издали ее развевающееся белое платье, ее высокую, гибкую фигуру, молодые поэты обрывали любой разговор и бежали, как сумасшедшие, за ней, чтобы пожать ее тонкие пальцы, заглянуть в ее искристые глаза. Ее прогулки по набережной были триумфальными шествиями. Это та синьора, за которой всегда усиленно охотились репортеры. Недаром она пленила бешено популярного в то время поэта Серебряного века Сашу Черного:

*«Из взбитых сливок нежный шарф...
Движенья сонно-благосклонны,
Глаза насмешливой мадонны
И голос мягче эха арф.
Когда взыскательным перстом
Она, склонясь, собачек гладит,
Невольно зависть в грудь засядет:
Зачем и я, мол, не с хвостом?»⁵¹*

А Всеволод Мейерхольд оставил в своем дневнике такие стихи об этой прима-актрисе Художественного театра:

*«Когда кругом пестрят безвкусные наряды,
Твоя одежда – нежной белизны...
Когда глаза других горят греховным блеском,*

⁵¹ Черный Саша. Марии Федоровне. Почтительная акварель. Октябрь 1912 г.

Трудно было представить рядом двух столь несхожих людей. При всей страстности натуры, Мария Федоровна внешне всегда была невозмутимо хладнокровна и сдержанна в эмоциях, одевалась изысканно у самых дорогих модисток и не только имела вид рафинированной светской дамы – она ею была. А «Буревестник революции», Алексей Максимович, был на удивление слезлив и излишне непосредствен в выражении чувств. Щеголял в костюме «собственного изобретения» и всегда был одет во все черное. Он носил косоворотку тонкого сукна, подпоясанную узким кожаным ремешком, суконные шаровары, высокие сапоги и романтическую широкополую шляпу, прикрывающую длинные волосы, спадавшие на уши. Даже внешне у них было мало точек соприкосновения. Образованная потомственная дворянка и писатель-самоучка...

Удобно расположившись в плетеных креслах, гости вступили с хозяевами в оживленный разговор об общих знакомых: о Леониде Андрееве,⁵³ Федоре Шаляпине, Александре Тихонове (Сереброве)⁵⁴, Генрихе Лопатине.⁵⁵

⁵² Мейерхольд В. Э. Из дневника. М. Ф. Андреевой (на репетиции) 12 мая 1901г. Москва.

⁵³ Леонид Андреев – известный писатель, родоначальник русского экспрессионизма.

⁵⁴ Александр Николаевич Тихонов (Серебров) – писатель, помощник Максима Горького.

Больше всех шумел Горький. Вот он закурил, крепко затянулся и тотчас вновь забасил, загудел и стал жестикулировать и взмахивать руками. Говорил он громко, с жаром, образно, нарочито грубым голосом. Иван Бунин влюблено глядел на него, прикрыв рот ладонью, пряча лукавую улыбку.

Алексей Максимович уверенной рукой разлил по бокалам вино из графина, пододвинул вазу с фруктами и тарелку с тартинками, и, жмурясь от удовольствия, стал показывать гостям свою довольно обширную коллекцию редких монет, медалей, гемм, драгоценных камней. Он ловко, кругло, сдерживая счастливую улыбку, поворачивал камни и монеты в руках – разглядывал сам, и показывал женщинам, блаженно улыбаясь. Так же он и вино пил: со вкусом и с наслаждением, разом выпивая полный бокал, не отрываясь до дна, причмокивая губами.

Но вот подали обед. Любезная Екатерина Желябужская с необыкновенным мастерством разлила по тарелкам густой розовый суп, затем последовали лангусты, украшенные зеленью и дольками яблок, и знаменитый ризотто – символ кулинарного искусства Италии.⁵⁶ Все это было сдобрено ради гостей великолепным шампанским Asti Martini. На десерт подали фрукты и мороженое.

⁵⁵ Генрих Лопатин – переводчик «Капитала» Карла Маркса.

⁵⁶ Основу блюда составляет рис, обжаренный в масле с луком, куда добавляют бульон, овощи, грибы, морепродукты, тертый сыр, смешанный со сливочным маслом.

Вера Бунина, смеясь, рассказывала Анне Любовецкой и ее компаньонке о том, что в доме у Алексея Максимовича всегда так:

– Все наше пребывание здесь, особенно первые недели на острове, было сплошным праздником. Хотя мы платили в «Пагано»⁵⁷ за полный пансион, но редко там питались. Почти каждое утро получали записочку от Алексея Максимовича, что нас просят к завтраку, а затем придумывались все новые и новые прогулки, после чего следовали обеды с обильными кушаньями и винами, минеральными водами и сладостями. Причем Мария Федоровна неизменно показывала себя не только отменной хозяйкой, – она еще и в творческом процессе была помощницей Алексея Максимовича – его толмач, при приеме иностранных гостей, секретарь, переводчица книг и журнальных статей.

Бунин, смеясь, поддержал супругу:

– Я всегда дивился, – как это Максима на все хватает: изо дня в день на людях, – то у него сборище, то он сам на каком-нибудь сборище, – говорит порой, не умолкая, целыми часами, пьет сколько угодно, папирос выкуривает по сто штук в сутки, спит не больше пяти, шести часов – и пишет своим круглым, крепким почерком роман за романом, пьесу за пьесой! – Чудной человек и свирепый труженик!..

Слова Ивана Алексеевича оказались пророческими: неожиданно на виллу нагрянула толпа совершенно незнако-

⁵⁷ «Пагано» – отель, где останавливалась чета Буниных.

мых людей из России. Горький оживился, зафрантил, разволновался, еще более приветственно забасил. Гости стали шумно и радостно рассаживаться по стульям, кушеткам и канапе. Стало понятно, что известный писатель на своем острове как король окружен «двором», в котором попрошайки соседствовали с почитателями, мелкие авантюристы – с искателями правды. И из каждой встречи, оторванный от России Горький, пытался извлечь хотя бы крупицу новых житейских знаний или опыта для своих произведений.

Наши путешественницы, поддержанные четой Буниных, постарались незаметно, по-английски, покинуть это чересчур шумное сборище и отправились в первую экскурсию по острову: к западу от порта Марина-Гранде они прошлись по пляжам, а затем осмотрели руины Морского дворца императора Августа и на самом берегу – руины терм Тиберия – остатки купальни, от которой сохранились только фрагменты стен и храма под открытым небом.

В последующие дни они продолжили осмотр достопримечательностей острова: церковей Сан-Констанца, Сан-Стефано и Санта-Софии, виллы Иовис (*Jovisvilla*), находящейся на вершине горы Монте-Тиберио (334 м), скал Фаральони, картезианского монастыря Сан-Джакомо (покинутого монахами), грота Матермания и знаменитого Голубого грота (*Grotta Azzurra*), цвет воды в котором обусловлен оптическим эффектом, возникающим при прохождении сквозь толщу воды лучей света, проникающих в грот через подвод-

ную щель.

Максим Горький и Мария Андреева

Внутри можно было попасть на лодке, но из-за низкого входа в штормовую погоду грот становился недоступен. Дол-

гое время грот считался неприступным, но в августе 1826 года немецкий поэт и живописец Август Копиш вплавь проник в Голубой грот. За ныряльщиком сквозь призму воды хлынул свет, окрасив скалистый свод и кристальное озеро внутри горы лазурной рябью перевернутого неба. Спустя двенадцать лет Копиш поведаёт о своей вылазке в рассказе «Открытие Голубого грота» и тем самым положит начало паломничеству просвещённых путешественников в пещеру, куда можно войти только со стороны моря. В 1838 году под низкий край утеса в двух аршинах над водой, распластавшись на дне лодки, протиснулся и русский писатель Н. В. Гоголь.

Много позже Марк Твен напишет о своём восприятии грота в «Простаках за границей»: «Стоит погрузить в воду весло, и оно засияет чудесным матовым серебром, отливающим голубизной».

Скалы Фаральони

Человек, прыгнувший в воду, мгновенно одевается такой великолепной броней, какой не было ни у одного из королей-крестоносцев».

«Голубым эфиром», в котором, по общему мнению, и бьется невидимое сердце Капри, назвал этот подгорный мир Ганс Христиан Андерсен в знаменитом рассказе «Импровизатор». Герой повествования возносит хвалу Святой Лючии, которая спасла от шторма его утлый челн в утробе Лазурного грота...

Несколько раз искательницы приключений были с Горьким на рыбалке, совершили ознакомительные поездки в южно-итальянские города Солерно и Сорентто.

Значительным событием в жизни «островитян» стал приезд на Капри к Горькому Федора Шалапина. Горький еще более оживился, искренне прослезился, тискал Федора Ивановича в объятиях, влюблено глядел на друга, пил с ним взахлеб вино прямо из графина и все говорил, говорил и никак не мог выговориться. Озорно улыбаясь, рассказывал гостям о том, что Федор, в молодости – пятнадцатилетним подростком – обратился в дирекцию казанского театра с просьбой прослушать его и принять в хор. Но из-за мутации голоса он спел на прослушивании чрезвычайно плохо. Вместо него в хористы приняли какого-то долговязого девятнадцатилетнего парня, с чудовищным «окающим» говором.

Свое первое фиаско Шалапин запомнил на всю жизнь, а долговязого конкурента надолго возненавидел. Много лет спустя в Нижнем Новгороде Шалапин познакомился с Максимом Горьким и, между прочим, рассказал о своей первой певческой неудаче. Тот рассмеялся:

– Дорогой Феденька, так это ж был я! Меня, правда, скоро выгнали из хора, потому что голоса у меня вообще не было никакого.

В свою очередь, Шалапин рассказал, как однажды обедал со своим английским другом Холтом:

– Я засучил рукава, открыл крышку, стоявшей на столе кастрюли, вынул руками курицу, разодрал ее на две части и подал одну из них ошеломленному Холту. Сам же с аппетитом начал есть свою половину, тщательно обсасывая ко-

сточки. Холт последовал моему примеру. И вдруг впервые мой друг – как он потом сам рассказывал – почувствовал, как вкусна курица. Дома Холт попросил жену заказать к обеду вареную курицу и приказал отпустить прислугу. Когда настал час обеда, он, засучив, как Шаляпин, рукава, рванул курицу и половину вручил своей чопорной супруге, смотревшей на него, как на сумасшедшего. Когда она пришла в себя, Холт уговорил ее подражать ему. С тех пор, рассказывал Холт, когда они хотели вкусно поесть, заказывали курицу «по-шаляпински» и отпускали прислугу. Холт уверял, что в такие дни он и жена чувствовали какую-то особую близость друг к другу.

И вновь, торопясь, взхлеб Алексей Максимович с гордостью рассказывает о своем родном человеке:

– Без всякого сомнения, когда на сцене появлялось существо столь таинственное, как Федор, – артист сложный и яркий, – то его неумная натура и фантастическая изобретательность уже не считались ни с какими ограничениями, которые выдвигались дирижерами. Но публика не обращала внимания на то, кто дирижирует, когда столь блистательная личность на сцене. Достаточно бывало одной фразы, одного штриха, короткого смешка, едва заметного жеста, чтобы покорить зал. Например, в «Фаусте» Гуно Мефистофель влюбляет в себя Маргу, и сообщение о смерти мужа на войне ее вовсе не волнует. «*La voisine est un peu mûre*» – «Соседка чуточку перезрела»; этим «*mûre*», произнесенным сквозь зубы,

почти нечленораздельно и сопровождавшимся выразительнейшим жестом, Федор, как говорят в театре, «клат публику себе в карман».

Алексей Максимович пригладил большими пальцами рук свои усы и продолжил:

– И еще один случай в Москве, сам был свидетелем, – вызывает как-то Федя слугу и спрашивает:

– Я тебя к балерине К. посылал передать коробку конфет один раз. Так?

– Так, барин.

– А потом выяснил, что ты три раза ей конфеты подносишь и все от моего имени. Что это значит?

– Барин! Коробка конфет стоит рубль, а она давала мне на чай три рубля... Вот я и решил подработать!

А. М. Горький и Ф. И. Шаляпин

– Федя хохотал так, – говорил Горький, – как могли бы хохотать тысячи лет назад лишь боги на Олимпе! Зубы сверкали, ноздри раздувались и трепетали... И это была гениальная классическая скульптура – смеющийся титан!!! – А вот еще: однажды за обедом в доме у Шаляпиных шел разговор о знаменитом итальянском оперном певце Мазини. После обеда сын Федора Ивановича Боря спросил:

– А что, папа, Мазини вправду был хороший певец?

Федор вздохнул:

– Мазини, миленький, был не певец. Это вот я, ваш отец, –

певец, а Мазини был ангел!

Взял слово Федор Иванович:

– В начале певческой карьеры, я вдруг получил телеграмму из «Ла Скала» с предложением исполнить на этой сцене партию Мефистофеля в опере Бойто, и поначалу решил, что это розыгрыш, но, когда понял, что все серьезно, что меня не разыгрывают, страшно испугался. Чтобы театр отозвал свое приглашение, я назначил баснословный по меркам тех лет гонорар, в надежде, что контракт не будет подписан. Но в театре приняли мои условия.

– А на гастролях в Лондоне как-то исполнял партию Бориса Годунова. На одном из спектаклей в зале присутствовал король Англии. Видимо он был доволен моим исполнением и передал приглашение зайти в королевскую ложу. Пройти туда можно было только через зал. Ну, я так и пошел, прямо в гриме и в костюме только что сошедшего с ума царя Бориса. В королевской ложе возникла пауза, король почему-то молчал. Тогда я, решивший, что монарх робеет перед величием русской музыки, заговорил с ним первый, чем нарушил этикет. Но король был так растроган, что мне все сошло с рук...

И Шаляпин, вдруг, смешался перед нами, разволновался, покраснел. Стало понятно – перед нами робкий великан, ставивший в тупик королей. В великом басы уживалось несовместимое: он был богемным и застенчивым одновременно, он был снобом и очень непосредственным искренним чело-

веком.

И разговор подхватил Иван Бунин:

– Федор горячо хотел познакомиться с Чеховым и много раз говорил мне об этом. Я наконец спросил:

– Да зачем же дело стало?

– За тем, – отвечал он, – что Чехов нигде не показывается, все нет случая представиться ему.

– Помилуй, какой для этого нужен случай! Возьми извозчика и поезжай.

– Но я вовсе не желаю показаться ему нахалом! А, кроме того, я знаю, что я так оробею перед ним, что покажусь еще и совершенным дураком. Вот если бы ты свез меня как-нибудь к нему...

Я не замедлил сделать это и убедился, что все была правда: войдя к Чехову, он покраснел до ушей, стал что-то бормотать... А вышел от него в полном восторге:

– Ты не поверишь, как я счастлив, что наконец узнал его, и как очарован им! Вот это человек! Вот это писатель! Теперь на всех прочих буду смотреть как на верблюдов.

– Спасибо, на добром слове, – сказал я, смеясь.

Он захохотал на всю улицу.

Все стали просить Федора Ивановича спеть, но он отнекивался. Катя Желябужская умоляла, хоть как-то, самую малость показать свой голос. Федор Иванович встал, взял со стола большой хрустальный стакан, поднес ко рту и выдохнул: «Ха» – стакан разлетелся на мелкие осколки. – Все

остолбенели!

Так, в разговорах и застольях прошло два дня. Федор Иванович засобирался в Милан, в «Ла Скалу», отрабатывать контракт. Все толпой пошли провожать его на пароход...

Стала готовиться в путь и чета Буниных. Вместе с ними покинули Капри и две молодые путешественницы из России, чтобы еще раз увидеть Неаполь, а после Сицилию (Сиракузы, Палермо, Мессину).

Вскоре похолодало. Началась нескончаемая полоса дождей с сильными порывами ветра. Мы в разговорах все чаще вспоминали наш чудесный остров Капри. Иван Алексеевич эту пору поэтически определил так:

*«Проносились над островом зимние шквалы и бури
То во мгле и дожде, то в сиянии влажной лазури,
И качались, качались цветы за стеклом,
За окном мастерской, в красных глиняных вазах, —
От дождя на стекле загорались рубины в алмазах
И свежее цветы расцветали на лоне морском.
Ветер в раме свистал, раздувал серый пепел в камине,
Градом сек по стеклу – и опять были яркие и сини
Средиземные зыби, глядевшие в дом,
А за тонким блестящим стеклом,
То на мгле дождевой, то на водной синевшей пустыне,
В золотой пустоте голубой высоты,
Все качались, качались дышавшие морем цветы...»⁵⁸.*

⁵⁸ Бунин И. А. Капри.

А в письме к Горькому Бунин писал: *«С великой нежностью и горечью вспомнил Италию – с нежностью потому, что только теперь понял я, как она вошла мне в сердце, а с горечью по той простой причине, что когда-то теперь еще раз доберешься до Вас, до казы (виллы) Вашей и до вина Вашего...»*.

Завершая рассказ о Максиме Горьком, следует отметить, что десятилетняя совместная жизнь актрисы и писателя – и в России, и на Капри – была безмятежной. Единственной причиной для разногласий у них была персона В. И. Ленина, восторг к которому Горького, именовавшего вождя «дворянчиком», позже поменялся на довольно критическое, а Андреева пролетарского вождя боготворила. Владимир Ильич тоже был неравнодушен к красавице. Называл ее «товарищ Феномен» и иногда поручал какое-то дело именно ей, а не «тяжелому на подъем Алексею Максимовичу».

* * *

Наконец, Рим! Необходимо отметить, что ни одна европейская культура так не притягивала любопытных русских, как культура итальянская в своих многообразных проявлениях – венецианском, тосканском, римском, неаполитанском. Для образованного русского человека путешествие в Рим или Флоренцию было скорее паломничеством, нежели

праздным вояжем, как на французскую Ривьеру или на воды в Германию.

Поначалу Вечный город произвел на Татьяну Витвицкую ужасное впечатление. Какое-то нагромождение древних развалин, великолепие мраморных гробниц, эти постоянные напоминания на каждом шагу о кладбище заставляют предположить, что сама Смерть, похоже, родилась именно здесь.

Что же конкретно придает ореол нетленности Вечному городу? Герцен полагал, что разгадка – в бессмертии античного наследия. «Вечный Рим – тут», – убежден Герцен, всматриваясь в руины Колизея, Форума, Палатина. Да, размышляет он, – древний мир пал, как могучий гладиатор, но время не смогло сокрушить его останков, и они ушедшие в землю, заросшие мхом и плющом, – «величественнее и благороднее всех храмов Браманте и Бернини»⁵⁹.

Анна Любовецкая успокаивала свою спутницу:

– Не тревожься. Даже Николай Васильевич Гоголь утверждал, что «влюбляешься в Рим очень медленно, понемногу, но зато уж на всю жизнь».

По мнению Владимира Вейдле,⁶⁰ Вечный город легче себе представить вообще без античных развалин, чем без Три-

⁵⁹ Браманте Донато – основоположник и крупнейший представитель архитектуры Высокого Возрождения. Базилика Святого Петра в Ватикане – его творение. Бернини Джовани Лоренцо – крупнейший архитектор и скульптор своего времени. Считается создателем стиля барокко в скульптуре.

⁶⁰ Вейдле Владимир Васильевич – литературовед, культуролог, либеральный мыслитель (1895—1979 гг.).

тона на пьядца Барберини, без Испанской лестницы, без купола Святого Петра и даже без симпатичного слона, который тащит на себе обелиск на площади Минервы. Разгадка бессмертия Вечного города, по Вейдле, – в римском барокко, одной из самых целостных и насыщенных жизнью художественных систем, какие только знает история искусства. И хотя – да! – эта система проистекает из необыкновенно могущественного чувства смерти («подстерегающей, пронзающей, изнутри просвечивающей жизнь»), но любовь к жизни этим не только не умалена, но, согласно Вейдле, напротив, «доведена до иступления»: «Отсюда и повышенная праздничность и щедрость замыслов, и сосредоточенная телесность всякой формы... Религия отчаяния и надежды, не уверенность, а страстная жажда воскресения во плоти, создала эту трагически потрясенную архитектуру, это изнутри надтреснутое великолепие, этот в Риме рожденный строй искусства и самой жизни...».⁶¹

Поселились наши дамы на вилле Дория Памфили (*Doria Pamphili*) на *Via Aurelia Antica* в западной исторической части города, в полутора километрах к югу от Ватикана.

Писатель Серебряного века Борис Зайцев писал об этом замке: «Есть именно нечто лучезарное в послеполуденном облике роц виллы Дория. Светлый туман воздуха прозрачного, вдаль голубеющего, как кристалл. Мелкий и яркий свет в листьях, в песке дорожек, в спицах проезжающего экипа-

⁶¹ Вейдле В. Вечерний день. ЛитМир – Электронная библиотека. С. 11.

жа... С виллы уходишь в светлом обаянии. Да, это нежный солнечный отдых, это улыбка роцц, лугов и анемонов, созданных для того, чтобы бедному человеку приоткрыть сон радости, видение света и великолепия. Подходя в вечереющем воздухе к Aqua Paola на Яникуле,⁶² созерцая массы ее вод, светлых, прозрачных, плавно катящихся струями, во славу Рима и папы Павла, – соединяешь их с образом виллы Дориа. Где свет, там и прозрачность. Где тишина, там мягкий плеск влаги».⁶³

Однажды вечером на вилле Дориа Памфили раздался телефонный звонок. На проводе – посол России в Италии князь Николай Сергеевич Долгоруков:

– Уважаемая Анна Семеновна! Имею честь передать Вам приглашение Его Императорского Величества на парадный обед в замке Ракконидже в ознаменование союза России и Италии. Обед состоится завтра, в 8 часов вечера. За Вами будет послан автомобиль. Приятно было пообщаться!

Местные газеты сообщали: «РАККОНИДЖИ, 10 (23) октября. В 8 часов вечера в замке состоялся парадный обед на 36 кувертов. Российский Государь Император занимал место в центре стола, между королем и королевой Италии.⁶⁴ Город вечером представлял необыкновенное зрелище. Все

⁶² Aqua Paola – Фонтан Паоло на Яникуле – холме, возносящимся над Римом.

⁶³ Зайцев Б. К. Рим. Собрание сочинений. Том 3. М., 1999. С. 571.

⁶⁴ Король Италии Виктор-Эммануэль III и Елена Черногорская, королева Италии.

население собралось на улице и перед дворцовой площадью. Муниципалитет, расположенный прямо против дворца, эффектно иллюминирован. На дворцовой площади от 8 до 9 часов вечера местное музыкальное общество, председателем которого состоит фабричный рабочий, исполнило серенаду и русский народный гимн. Всеми чувствуется необыкновенно праздничное настроение».

После торжественного обеда министр иностранных дел Российской империи, гофмейстер Александр Петрович Извольский отвел Анну Любовецкую к окну и вполголоса обратился к ней с просьбой:

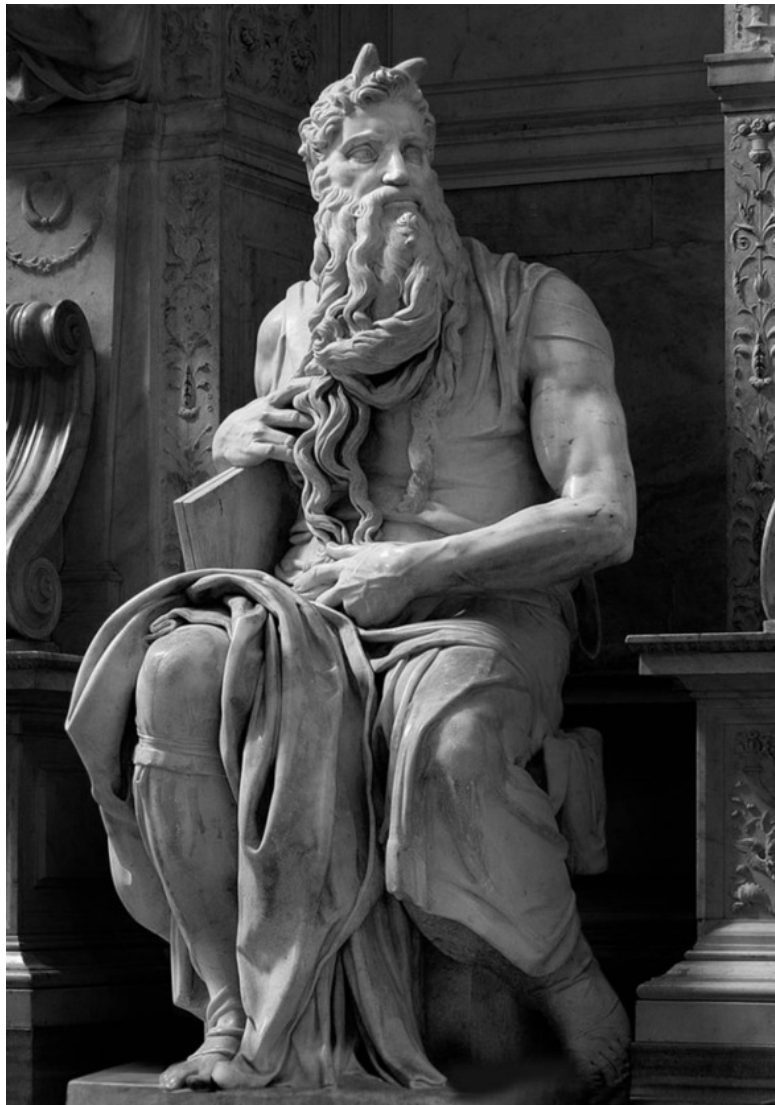
– Дорогая Анна Семеновна! Я слышал о плане Вашего турне по Европе. Осмелюсь просить Вас не опекать слишком строго свою компаньонку в Вене. Она выполняет одно мое небольшое пикантное поручение.

Обескураженная княгиня еле слышно ответила:

– Посчитаю за честь, Ваше Превосходительство!

Собор Святого Петра

Меж тем газеты вышли с новыми сообщениями:

РАККОНИДЖИ. Сегодня, в 12 часов дня в замке состоялся семейный завтрак. После завтрака Государь Император и король охотились в прилегающем к замку лесу. В охоте принимали участие барон Фредерикс, министр двора, и несколько лиц свиты.

А в это время на виллу Дория Памфили незаметно проскользнул человек в темной одежде. Связной передал Татьяне Витвицкой инструкции, значительную сумму денег, пароль агента-связника в Вене и револьвер системы Наган, образца 1895 года.⁶⁵

В один из дней, прогуливаясь по центру Рима, совершенно неожиданно Татьяна увидела на площади мужчину восточного типа с роскошными усами. Вместе с Анной они решили подойти поближе к этому человеку. Вот как описывал встречу сам Георгий Гурджиев: «Мне кажется, прошло не менее четырех лет, когда я встретил ее в Италии вместе с сестрой князя Юрия Любовецкого. Это произошло при следующих обстоятельствах. Однажды в Риме я очутился в затруднительном положении, так как у меня кончились почти все деньги, и, следуя совету двух молодых айсоров,

⁶⁵ При приеме на вооружение револьвера, комиссия Генштаба российской армии констатировала: «Военный револьвер должен иметь такой бой, чтобы одна пуля остановила лошадь. Если пуля пробивает четыре-пять дюймовых досок, сила боя достаточная».

с которыми я здесь познакомился, я стал уличным чистильщиком обуви. Нельзя сказать, что с самого начала мой бизнес пошел успешно, поэтому я решил внести в него некоторые усовершенствования. С этой целью я заказал специальное кресло, под сиденьем которого незаметно для окружающих помещался фонограф Эдисона, к которому было прикреплено нечто вроде наушников. Таким образом, клиент, севший в кресло, мог насладиться оперными ариями, пока я занимался его обувью. В дополнение к этому я укрепил на подлокотнике небольшой поднос, на который ставил стакан, графин с водой и вермут, а также клал несколько иллюстрированных журналов. Теперь мои дела пошли исключительно хорошо, и на меня посыпались не сантимы, а лиры. Любопытствующие зеваки весь день толпились вокруг меня. Они ждали своей очереди и глазели на диковинку, производя впечатление не очень нормальных людей. В этой толпе я несколько раз замечал одну юную леди, которая показалась мне знакомой. Так как я был очень занят, то не имел возможности хорошенько рассмотреть ее, но однажды она сказала своей спутнице: «Держу пари – это он». Я был так заинтригован, что, немедленно бросив работу, подошел к ней и спросил: «Скажите, пожалуйста, кто вы? Мне кажется, я вас где-то видел».

– «Я та, которую вы однажды так возненавидели, что мухи, попадая в поле этой ненависти, немедленно дохли, – сказала молодая женщина. – Если вы помните князя Юрия Лю-

бовецкого, тогда, возможно, вспомните и бедную девушку, которую сопровождали в Россию из Константинополя». Я конечно же узнал Витвицкую и ее спутницу, и все последующие дни, вплоть до их отъезда в Монте-Карло, мы встречались и разговаривали». ⁶⁶

Позже Татьяна Витвицкая вспоминала: «Из Рима мы отправились в Монте-Карло и далее в Ниццу, небольшой приморский городок, принадлежавший когда-то Королевству Сардиния, а теперь (после 1860 года) вошедший в состав Франции». В середине XIX века в бухте Вильфранш, рядом с Ниццей, обосновалась военно-морская база Российской Империи. А вот славу «русского курорта» Лазурному берегу и, в особенности, Ницце принесла любовь к этим местам супруги Николая I, Александры Федоровны, которая в октябре 1856 года прибыла сюда с небольшой свитой, с намерением пройти здесь курс лечения и укрыться от довольно сильной стужи в России. Мягкий климат, теплые зимы привлекли в эти края иностранцев, прежде всего русскую знать, и очень быстро маленький приморский городок превратился в настоящий «зимний салон» Европы. Русская речь, зазвучавшая в Ницце, сделала ее похожей на Ялту. На улицах Ниццы и Канн не редкость – особняки потомков старинных русских родов, православные церкви. Некоторые улицы даже носят российские названия, да и русской речью здесь, дей-

⁶⁶ Лит Мир. Электронная Библиотека. Георгий Гурджиев. Встречи с замечательными людьми. С. 24.

ствительно, никого не удивишь.

*«Был и я в стране чудесной,
Там, куда мечты летят,
Где средь синевы небесной
Ненасытный бродит взгляд,
Где лишь мул наверх утеса
Путь находит меж стремнин,
Где весь в листьях в мраке леса
Рдеет сочный апельсин...».*⁶⁷

Жители приморского поселка Мандельё-ла-Напуль, на Лазурном берегу, с большим уважением вспоминают внука царя Николая I, великого князя Михаила Михайловича – именно он привез из Шотландии идею устроить поле для гольфа в этой безвестной рыбацкой деревушке. Так появился первый на Средиземном море гольф-клуб. Очень скоро гольф приобрел известность, а многочисленные знатные гости из европейских столиц стали завсегдатаями этого клуба.

Массовому русскому присутствию на Лазурном берегу способствовало открытие железнодорожного сообщения Париж-Лион-Средиземноморье, принадлежавшего частной компании с аббревиатурой P.L.M. В 1863 году первый поезд прибыл в Канны, а в следующем году, с постройкой моста, – в Ниццу.

В это же время в России железная дорога дошла до Вар-

⁶⁷ Вильгельм Кюхельбеккер. «Ницца».

шавы, а отдельная ветка – до Пруссии. От Варшавского вокзала в столице Империи на Лазурный берег стали регулярно отправляться богато оборудованные вагоны.

Вокзал в Ницце. Фото 1900 г.

За первое десятилетие массового русского присутствия население Ниццы выросло на 83%, причем до 60% жителей города составляли русские. «Западноевропейский филиал царского двора», как стали называть Ниццу, вскоре начал обрастать всеми атрибутами двора петербургского: балами, дуэлями и интригами. В городе имелись русские рестораны, отели, театры, банки, страховые компании, акционерные об-

щества.⁶⁸

Значительно увеличилась скорость поездов. Если в 1864 году составы преодолевали расстояние между Парижем и Ниццей за 24 часа, то к 1904 году – уже за 13 часов. Длительность поездки из Петербурга в Ниццу сократилась с пяти суток до трех. Последнее обстоятельство оказалось решающим в появлении так называемого «цветочного экспресса».

Торговля цветами на юге Франции существовала с незапамятных времен. К началу XX века цветочная коммерция на Ривьере стала одним из самых прибыльных видов торговли в мире. Сюда хлынули коммивояжеры, посредники, скупщики – в основном немцы и англичане. В начале XX века Общества цветоводов южных округов Франции обратились к депутатам с просьбой сформировать специальные цветочные поезда, которые могли бы курсировать вдоль побережья и собирать сельскохозяйственную продукцию для переправки ее в отдаленные районы.

«Цветочный экспресс» уходил с вокзала Ниццы раз в неделю в 2 часа дня по вторникам и прибывал в Петербург поздно ночью в пятницу.

Сегодня на память о «цветочном экспрессе» остался лишь известный романс «Букет цветов из Ниццы» венгерского композитора Денеша Будея:

⁶⁸ Юта Арбатская, Константин Вихляев. Доклад на Царскосельской научной конференции 28 ноября 2016 г.

*«Букет цветов из Ниццы прислал ты мне,
И вновь горят зарницы минувших дней.
Фиалки шепчут мне, что вновь цветут луга
И что кому-то я немного дорога.
Букет цветов из Ниццы навеял сны,
Напомнил мне страницы былой весны...
И хоть письма в букете нет, нет желанных слов,
Но спрятана в фиалках твоя любовь!
И хоть письма в букете нет, нет желанных слов,
Но спрятана в фиалках твоя любовь!».*

Вот на таком «Цветочном экспрессе», в вагоне «Люкс» (всего 4 больших и комфортабельных купе, оборудованных туалетом и душевой кабинкой; небольшой бар в конце вагона; повсюду ковры, мягкая мебель, зеркала, приглушенный свет), наши путешественницы и отправились из Ниццы в Вену – столицу Австро-Венгерской Империи

Глава II.

Вена

*Сегодня ночью снова буду пить
Я терпкий запах смерти иль свободы
Пусть дрогнут неба каменные своды
Когда в безумье снова крикну: жить!*

*Ведет судьбы невидимая нить
Одних в дворцы, других к позорной плахе
Одни привыкли жить в животном страхе
Другие любят из глупцов веревки вить...⁶⁹*

Декабрь не самый приятный месяц в календарном цикле Вены: земля была почти без снега, а если он где и лежал, так уже старый, оставшийся от тех дней, когда небеса были щедры. Слегка дожило, слегка морозило, слабо дул ветерок, замирая в изнеможении среди туманов. Улицы и пригород часто окутывала молочная кисея. Туман плыл вдоль широких проспектов столицы, а за городом царствовал над убранными кукурузными полями.

Поезд прибыл к перрону Южного Венского вокзала⁷⁰

⁶⁹ Автор: VVS02.

⁷⁰ Южный вокзал Вены, Зюдбанхоф (нем. Wien Südbahnhof) – крупнейший венский железнодорожный вокзал. Расположен в юго-восточном районе Фаворитен.

поздно вечером. Город спал, как будто стояла темнейшая южная ночь. Такси доставило наших героинь в роскошный отель «Империял» (бывший дворец герцога Филиппа Вюртембергского) в самом центре Вены на Рингштрассе. И наши гости сразу же попали в сказочную атмосферу бала, проводившегося здесь. Высокие залы, фраки, декольте, сверкающие бриллиантами наряды дам, на столах – фантастическое изобилие. В этом месте царят знатность, элегантность и флирт. Ярко сверкают люстры. Начинаются танцы. Звучат нежные, сладкие мелодии...

Из дневника Татьяны Витвицкой:

Вторник. 14 декабря 1909 г.:

«Ах, как хороша Вена! Ее нельзя сравнить ни с одним из тех городов, какие я видела в своей жизни. Улицы широкие, изящно вымощенные, масса бульваров и скверов, дома все многоэтажные, а магазины – это не магазины, а сплошное головокружение, мечта! Вена, как настоящий ювелирный шедевр, блистает множеством граней: опера, вальсы, кофейные дома и кондитерские, пышные имперские здания, искусство... Город пронизан новыми широкими проспектами. Украшением Вены является Рингштрассе. Это – настоящий музей под открытым небом. Проспект наполнен историческими памятниками, дворцами и уникальными архи-

текстурными ансамблями, он окружает исторический центр города со всех сторон, кроме северо-востока, где находится набережная Франца-Иосифа. Местные жители называют улицу просто «Ринг».

Католические храмы грандиозные, но они не давят своею громадою, а ласкают глаза, потому что кажется, что они сотканы из кружев. Особенно хороши собор св. Стефана и церковь св. Леопольда.

Стремление к удовольствиям – отличительная черта жизни венской элиты. Посещение театров, балов, «званных вечеров» – повседневная обыденность.

Вена – город вальсов, элегантной музыки, великолепных парков, выпечки и вина, в котором тесно сплелись культуры многих наций и народов. Вена – «счастливый город», предающийся изысканным наслаждениям.

Здесь не умолкая, звучит музыка, даются превосходные представления, устраиваются ярмарки, гулянья, шествия, выступления фокусников и акробатов. В головокружительном вальсе, как во сне, проходит здесь жизнь; венцы как будто живут, чтобы танцевать и затем умирают, задохнувшись от танца.

Вена

В этом городе творили выдающиеся музыканты и ученые – Вольфганг Амадей Моцарт, Антонио Сальери, Людвиг ван Бетховен, Франц Шуберт, Иоганн Штраус, физик Эрвин Шредингер, естествоиспытатель Грегор Йоганн Мендель, отец психоанализа Зигмунд Фрейд.

«Символ Вены – Собор Святого Стефана на площади Штефансплатц. Великолепный, неповторимый, многоликий храм Штефансдом (Stephansdom или Steffl), как кафедральный собор впервые упоминается в венских хрониках 1221 года. Построили его на святом, «намоленном», месте.

Еще в первой половине XII столетия здесь стояла приходская церковь.

Собор Святого Стефана

Сегодня, осматривая собор Святого Стефана Анна сказала мне: «A thing of beauty is a joy for ever» – «Прекрасное пленяет навсегда». ⁷¹

16 декабря:

Прекрасен венский Сецессион – галерея, где прово-

⁷¹ Цитата из поэмы «Эндимион» величайшего английского поэта-романтика Джона Китса.

дятся различные выставки. Его архитектура функциональна и эстетически элегантна. Купол Сецессиона изготовлен из 3000 позолоченных железных лавровых листьев. На боковых фасадах галереи – изображения сов, а над входом – три головы Горгоны и девиз: «Времени – его искусство, искусству – его свободу».

Церковь Святого Леопольда

19 декабря:

«Кафе в Вене играют огромную роль в культурной жизни города. Они являются центрами жарких дискуссий и местом формирования общественного мнения. Главные новости венцы узнают именно в кафе.

Легкий дымок над кофейной чашкой, был знаком Иоганну Штраусу, императору Францу-Иосифу, Ференцу Легару,⁷² Имре Кальману,⁷³ Фрейду,⁷⁴ Климту,⁷⁵ Стефану Цвейгу⁷⁶ и многим другим именитым жителям Вены.

Любимая кофейня есть почти у каждого венца. Так, представители мира искусств собираются в «Айлее», служащие мэрии предпочитают встречаться в «Слуке», под сводами аркады ратуши; живущие в центре города чехи, как правило, собираются в «Гавелке», на одной из улочек рядом с Грабенom. Говорят, что политики и деловые люди выбирают «Ландтманн», тем же, кто, мечтает увидеть вживую звезд театральной Вены, надо после окончания спектакля или репетиции оказаться за столиком в кафе «Шперль» или в кафе «Музеум».

Кофейня – это то, что связывает все поколения, переживает традиции и является неотъемлемой частью будней каждого венца. В Вене сейчас (1909 год) насчитывается более

⁷² Ференц Легар – крупнейший венгерский и австрийский композитор и дирижер венской оперетты.

⁷³ Имре Кальман – венгерский композитор, автор популярных оперетт: «Сильва», «Баядера», «Принцесса цирка», «Фиалка Монммарта» и других.

⁷⁴ Зигмунд Фрейд – австрийский психолог, психиатр, невролог. Основатель психоанализа.

⁷⁵ Густав Климт – широко известный австрийский художник, основоположник модерна в австрийской живописи.

⁷⁶ Стефан Цвейг – австрийский писатель, драматург и журналист.

600 кафе»⁷⁷.

20 декабря:

Записала легенду о кофейнях Вены:

«Первая кофейня в Вене была открыта в 1683 году, когда отбив турецкую осаду, в качестве трофея австрийцы захватили брошенные бегущим турецким войском мешки с кофе.

Рассказывают, что 12 августа 1683 года срочно потребовался курьер, который должен был как-то добраться до расположения войск Карла V Лотарингского. Пойти на это вызвался один польский иммигрант, которого звали Георг-Франц Кольшицкий. Он предпринял попытку пробраться через позиции турок и сумел вернуться живым, вручив доверенную ему важную депешу герцогу Лотарингскому. В результате помощь подоспела вовремя, и Вена была освобождена.

Ежи-Франтишек (по-немецки – Георг-Франц) Кольшицкий был польский офицер, но он долгое время жил среди турок и владел турецким языком, что и помогло ему, передетому в турецкую одежду, выполнить возложенное на него задание.

За совершенный подвиг Кольшицкому была обещана награда в счет будущих трофеев, звание почетного гражданина города Вены и документ, разрешающий заниматься в городе

⁷⁷ По свидетельству Юлии Саси сейчас в Вене насчитывается более 3000 кофеен.

любым ремеслом, которое он посчитает выгодным для себя.

В самом деле, после окончания осады было издано два приказа, в которых называется его имя, и это сделало его известным.

Согласно легенде, отступая, турки бросили у стен Вены часть своего обоза, и в нем были обнаружены какие-то мешки, в которых, как предположили австрийцы, были зерна как фураж для выючных животных. Проще говоря, венцы сочли, что это совершенно бесполезный для них корм для турецких верблюдов.

Как спасителю Вены, Кольшицкому предложили выбрать себе награду, но он отказался от золота, оружия и других даров. Для себя он попросил лишь эти самые пять сотен мешков с кофейными зернами. Так и порешили, тем более что никто все равно не знал, что с ними делать. Кольшицкий же уже имел представление о кофе, так как бывал в Турции, и он подумал, что хорошо было бы перенять сей явно недурной обычай.

Помимо мешков с зернами кофе венские власти подарили Кольшицкому еще и дом, стоивший примерно 400 флоринов, а также избавили его от уплаты налогов. Осенью того же года поляк открыл первую венскую кофейню, которая называлась «У синей бутылки».

Кольшицкий обжаривал кофейные зерна, размельчал их и заливал горячей водой. Этот напиток он предлагал в своей кофейне, но он поначалу не пользовался особым успехом.

Это и понятно, венцы охотнее пили пиво и вино, а горький черный напиток им явно не пришелся по душе. К тому же это был турецкий напиток, а в их памяти еще были свежи зверства турок, и патриотические чувства не позволяли воздать ему должное. Но поляк не пал духом, и тут ему на помощь, как это частенько бывает, пришел Его Величество Случай: как-то раз в напиток случайно попал сахар.

Получилось очень вкусно, и тогда Кольшицкий начал экспериментировать. Он процедил свой напиток, добавил туда три ложки молока и немного меда...

Так был создан знаменитый «Венский меланж», или «Венская смесь» (Wiener Melange). Теперь посетители его кофейни были в восторге, а предприимчивый Кольшицкий дополнительно заказал у венского булочника Крапфа еще и булочки в виде полумесяца.

Так вместе с кофе по-венски горожане стали уничтожать ненавистный им полумесяц, красовавшийся на знаменах турок, и их патриотические чувства были полностью удовлетворены»⁷⁸.

22 декабря:

«Сегодня дождь. Холодно. Воробьи и ласточки на крышах громоздких хоромин, раздув перья, и потряхивая только

⁷⁸ В настоящее время одна из крупнейших фирм Австрии, пакетирующих и продающих кофе, называется «Kolschitzky Cafe GmbH».

мокрыми крылышками, для лучших дней берегли свое веселое щебетанье. Извозчичьи лошади, на стоянке, поджав хвосты и понутив головы, с назад заложенными ушами, уныло следили за ручейками, струившимися по граниту скользкой мостовой. Извозчики, нахлобучив лоснящиеся капюшоны, не приветствовали более прохожих. Да и куда же было ехать в такую погоду? По обыденной надобности венский житель средней руки, зачастую даже сын высокородной семьи, ради сбережения гульдена предпочитает в дождь и грозу, предаваться пешему хождению».

23 декабря:

«Вечером были в Венской опере. Это последний спектакль перед начинающимся католическим Рождеством.

Венская придворная опера – крупнейший оперный театр Австрии, открытие которого состоялось 25 мая 1869 года оперой Вольфганга Амадея Моцарта «Дон-Жуан». В начале XX века Венская опера, благодаря реформаторской деятельности Густава Малера (главного дирижера театра), стала одной из лучших в Европе.

Мы с Анной Любовецкой слушали оперу П. И. Чайковского «Пиковая дама» (The Queen of Spades). Наиболее запомнившимися исполнителями были:

Ирена Абендрот – Лиза (сопрано).

Паскуале Амато – Граф Томский (баритон).

Карел Буриан – Распорядитель (тенор).
Давыдов Александр – Герман, (русский тенор)».

23 декабря. Поздний вечер:

«Ночным поездом выехали в Цюрих (около 8 часов езды)».

24 декабря 1909 г. – 3 января 1910 г.:

«В Цюрихе в начале 9-го утра 24 декабря пересаживаемся на поезд, следующий в город Санкт-Мориц (St. Moritz), – элитный горнолыжный курорт в Швейцарских Альпах.

Необходимо отметить, что сеть железных дорог опутывает практически все населенные пункты в Швейцарии. До любого «захолустного поселения» можно добраться на поезде. Поезда комфортные, тихие, идеально чистые и ходят строго по расписанию. От Цюриха до Санкт-Морица 210 км, путь занимает около 4-х часов.

Сам городок, небольшой милый и уютный (порядка 1000 жителей), расположен в Верхнем Энгандине, кантон Граубюнден, рядом – большое озеро (St. Moritzersee). По склонам близлежащих заснеженных гор проложены многочисленные лыжные трассы, оборудованные бугельными подъемниками.

Санкт-Мориц прекрасен, он волшебно сияет в эти солнеч-

ные зимние дни! Его белая котловина, будто гигантская жемчужная раковина, поднятая со дна океана к вечным снегам, врежется своими отточенными краями в прозрачную синь. Пропитанный солнцем воздух так чист, что все здесь кажется еще более далеким, и звезды, словно искры Бесконечности, рассыпаются по ночному небу. А ослепляющая белизна, вездесущая, неземная **белизна высокогорного снега!** Из всего, что есть в мире, только драгоценные камни, в которых светится их душа, но не оболочка, пылают такими красками. Этого нельзя описать. Этого нельзя нарисовать. Все грозное, суровое, резкое, что таит в себе эта сущность, исчезает и смягчается здесь, где зима – это блеск, солнце, прозрачность, свет и чистота. Нечто сверкающее, как бриллиант, но более нежное, ясное, как утренняя заря, и более могущественное. И нечто таинственно безмолвное, на первый взгляд, пребывающее в вечном покое (если б его не тревожили люди!).

Выше, на склонах гор, красочные фигурки лыжников, одетых в красные, желтые и синие костюмы с большой скоростью мчатся вниз, взметая на поворотах белые снежные шлейфы.

Мы с Анной скромненько ходили на лыжах внизу, а затем местный житель, тренер Лыжной школы Тион ле Коллон, старательно всю неделю обучал нас арлбергскому и лиенфельдскому поворотам на снегу, наряду с плугом и телемарком. Но больше всего мы катались, вырядившись в Рож-

дественнские наряды, на широких прочных деревянных саях, с полозьями, подбитыми металлической лентой.

Новогодний вечер был мил: многочисленная компания пила шампанское и чудесное токайское вино, от души веселилась, разыгрывала шуточные сценки. Мы много пели, танцевали, прыгали с балконов гостиницы в сугробы».

Вечером 4 января 1910 года наши путешественницы вернулись в Вену.

Санкт-Мориц

Весело на катке

Катание на санях

5 января 1910 г.:

Как обычно, с 1 января начался Венский карнавальный сезон балов. Настроение было приподнятое. В Вене танцевали повсюду. Даже важные переговоры велись в обстановке непрерывающихся празднеств, балов, торжественных приемов и других развлечений. Самыми популярными являются здесь вальсы Йоганна Штрауса-отца (152 вальса). Однако звучат и произведения Йозефа Ланнера, – именно

этот австрийский композитор, дирижер и скрипач является основоположником венского классического вальса, который из простого танца превратился в самостоятельный жанр. Некоторое время Йозеф Ланнер был дирижером Венского полкового оркестра.

На протяжении нескольких лет Йозеф Ланнер и Иоганн Штраус соревновались друг с другом в скорости сочинения и количестве создаваемых вальсов. Ни один не хотел уступить. В результате современники стали называть Ланнера за сентиментальный и тонкий стиль его музыки «Моцартом вальса», а порывистому и страстному Штраусу присвоили звание «Короля вальса».

Великий Фредерик Шопен, сам сочинивший семнадцать вальсов, написал как-то одному своему другу из Вены: «Венцы теперь – поклонники вальса. Он звучит везде. Музыкальными кумирами стали молодой Иоганн Штраус и Ланнер. Среди множества венских развлечений славятся вечера в гостиницах, где за ужином Штраус и Ланнер разыгрывают вальсы. После каждого вальса получают шумные аплодисменты».

6 января 1910 года:

«В кафе „Café Sperl“ на Gumpendorfer Straße в полдень состоялась встреча с моим кузеном.⁷⁹ Пили чудесный ко-

⁷⁹ Это был агент-связник.

фе с фирменным тортом Захер, венским яблочным штруделем⁸⁰ и пирожными. Атмосфера в кафе очень уютная, интерьер оформлен в приглушенных тонах золотисто-шоколадного оттенка. В воскресенье с полудня до вечера в кафе играет живая музыка».

Здесь прерывается запись в дневнике Татьяны Витвицкой.

Коротко отметим, что 12 января 1910 г. в одном из кафе Вены состоялась новая встреча Татьяны Витвицкой со связником, который предупредил ее о том, что с этого момента ей передается псевдоним агента, вернувшегося в Россию: **агент №25**. Позже он познакомил ее с прибывшим на встречу высокопоставленным офицером австрийского генерального штаба – полковником Альфредом Редлем. Было условлено, что в середине февраля на Венском Оперном бале, который совпадает с праздниками «фашингов» – веселых австрийских карнавалов и маскарадов, Альфред Редль представит Татьяну Витвицкую Софии Хотек, светлейшей герцогине Гогенберг, – морганатической⁸¹ жене австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда, наследника престола импера-

⁸⁰ Яблочный штрудель (*Apfelstrudel*) – рулет из тонкого теста с яблочной начинкой – национальное австрийское блюдо, которым так славятся венские кафе. Поэтому яблочный штрудель так и называют – венский штрудель.

⁸¹ Морганатический брак – означает неравнозначный по социальному статусу союз.

тора Австро-Венгрии.

Уже через месяц (18 марта 1910 года) Татьяна Витвицкая оказалась в числе фрейлин герцогини Гогенберг и прочно обосновалась во дворце Бельведер,⁸² а еще через две недели на имя начальника Главного управления Генерального штаба Российской империи генерал-лейтенанта Гернгросса Евгения Александровича поступила первая шифрованная телеграмма из Вены от агента №25 с донесением. А оставшуюся в одиночестве Анну Семеновну Любовецкую взял под свою опеку сам посол Российской империи в Австро-Венгрии, гофмейстер Николай Николаевич Гирс, а затем, – с 1913 г. по 31 июля 1914 г. – новый посол – действительный статский советник Николай Николаевич Шебеко.

Вскоре княгиня Анна Любовецкая стала признанной хозяйкой балов, официальных приемов и званых вечеров Посольства Российской империи в Австро-Венгрии.

⁸² Дворец Бельведер в Вене – резиденция эрцгерцога Франца-Фердинанда, его официальная канцелярия.

Глава III.

Тайны высочайшего двора Австро-Венгерской империи

*...Пора чудес прошла,
И нам приходится отыскивать причины
Всему, что совершается...
Уильям Шекспир. Генрих V (I, 1).*

К началу описываемых событий, дряхлеющая Австро-Венгерская империя, во главе с престарелым императором Францем-Иосифом I (которому намеренно исполнилось 79 лет), испытывала целый букет различных кризисных явлений – военно-политических, территориальных, экономических, этнических и межконфессиональных.

Франц-Иосиф I – Император Австрии, Апостолический король Венгрии⁸³ и Король Богемии, глава двуединого государства – Австро-Венгерской монархии, являлся на то время самым долгоправящим главой государства в мире.

Практически с самого дня рождения (август 1830 г.) судьба оказалась неблагоприятной к будущему монарху: при родах его случайно уронили на пол, что возможно явилось при-

⁸³ Апостолический король – титул, используемый королями Венгрии, в знак того, что они были поздними распространителями христианства, одновременно с этим подчеркивая божественное происхождение их власти.

чиной задержки речи (он не говорил до 4 лет), а в дальнейшем был туг на ухо и медленно соображал. Но юный герцог (тогда он был еще герцогом) всегда отличался завидным упорством и настойчивостью и обнаружил недюжинные способности к языкам: кроме немецкого он в совершенстве владел французским, английским, итальянским, очень хорошо знал венгерский и латынь, свободно говорил на польском и чешском языках.

Большое внимание в его образовании было уделено военным наукам. Это наложило определенный отпечаток на его характер: всю жизнь Франц-Иосиф сохранял любовь к порядку, дисциплине, униформе, строгому соблюдению субординации. Напротив, музыка, поэзия, искусство играли в его жизни очень незначительную роль.

От природы Франц-Иосиф имел общительный, веселый нрав, любил простоту жизни и отношений. Как отмечают историки, – «в области государственных и юридических наук он не успел получить фундаментальных познаний, так как учеба его была прервана революцией в Венгрии».

Озорная шутка Всемирной истории состояла в том, что революция, с одной стороны, – лишила Франца-Иосифа фундаментального образования, с другой, – расчистила ему путь к престолу империи. Венгерская революция 1848 года представляла собой локальную версию общеевропейской революции, так называемой «Весны народов» – волны революционных движений в Европе, носивших в основном антифе-

одальный и национально-освободительный характер.

В Вене также вспыхнуло вооруженное восстание, в ходе которого был расстрелян известный немецкий политик Роберт Блюм – депутат общегерманского парламента.

Главными лозунгами Венгерской революции были децентрализация Австрийской империи, демократизация и мадьяризация.⁸⁴

⁸⁴ Мадьяризация – комплекс мер по переходу на венгерский язык и усвоение венгерской культуры невенгерскими народами. Фактически означала политику по ассимиляции национальных меньшинств (хорватов, румын, русин, сербов и др.).

Франц-Иосиф I в 1849 году

Однако политика мадьяризации натолкнулась на сопро-

тивление славянских народов, привела к росту межнациональной напряженности и широкомасштабной войне, в которую оказалась вовлечена даже Россия: боевые действия между отрядами венгерской и австрийской армиями были осложнены стычками со славянским ополчением и интервенцией русской армии генерал-фельдмаршала И. Ф. Паскевича (106 000 штыков), которая располагалась у южных границ Царства Польского и была назначена в поход для усиления австрийских войск. В результате революции ждало поражение. Независимость Венгрии была отложена на 70 лет, а венгры лишились своих позиций в Трансильвании, Словакии и Воеводине.

В ходе Венгерской революции 1848 года дядя Франца-Иосифа – Фердинанд I⁸⁵ отрекся от престола, а отец отказался от прав наследования в пользу сына, и 18-летний Франц-Иосиф I (Franz Joseph I Habsburg) оказался во главе многонациональной державы Габсбургов.

По сути, новый император получил корону во многом благодаря помощи русских войск в подавлении Венгерского восстания. Впрочем, неуклюже-лукавый и плутовато-наивный снобизм нового императора вылез наружу довольно скоро: русский император Николай I в Крымской войне на-

⁸⁵ Фердинанд I почитается русскими старообрядцами Белокриницкой иерархии как благодетель. В 1846 г. он позволил учредить в селе Белая Криница старообрядческую архиерейскую кафедру во главе с митрополитом Амвросием. Так в старообрядчестве была восстановлена трехчинная иерархия (епископ-священник-дьякон).

деялся на поддержку недавно вырученных австрийцев, однако Австрия не только не поддержала Россию, но, оставаясь в стороне от конфликта, по его завершению, – настояла на наиболее жестком ультиматуме России по условиям мира. Дополнительный груз ошибок на дипломатическом поприще привел к тому, что страна лишилась и других важных союзников.

Этим обстоятельством воспользовалось Сардинское королевство, – при поддержке Франции и Пруссии возобновившее борьбу за объединение Италии, в результате чего Австро-Венгерская империя потеряла Ломбардию, а представители дома Габсбургов лишились власти также в Модене и Тоскане.

В 1866 году Австрия начала войну против Пруссии за лидерство в германском мире, но после битвы при Садовой, закончившейся разгромом австрийской армии, империя признала поражение. Вскоре Австрия потеряла Венецию и вынуждена была также согласиться на объединение северогерманских государств во главе с Пруссией. После этого венгерская элита, при посредничестве супруги Франца-Иосифа – Елизаветы Баварской – добилась от монарха предоставления ей равных прав с австрийскими немцами и преобразования Австрийской империи в двуединую монархию. Опасаясь новой революции, император, в 1853 году чуть не убитый венгерским националистом, был вынужден согласиться.

Само покушение на императора Франца-Иосифа I вошло

в историю Австрии как одно из самых знаменитых неудавшихся преступлений.

Стояла морозная солнечная погода, располагавшая к пешим прогулкам, которые так любил молодой Франц-Иосиф. После сытного обеда он отправился на променад в сопровождении адъютанта графа Максимилиана О'Доннела. Монарх прошел вдоль бастиона Кернтнертор-Бастай, остановился и склонился над каменным ограждением. Неожиданно сзади на него напал неизвестный мужчина с ножом в руке. Он ударил Франца-Иосифа в спину, однако острый клинок наткнулся на металлическую пуговицу и государь отделался испугом и легкой царапиной. Помимо пуговицы императора спасла молниеносная реакция адъютанта, которому удалось частично отразить удар нападавшего. На помощь О'Доннелу поспешил проходивший мимо состоятельный господин Йозеф Эттенрайх, в прошлом мясник и торговец овсом. Эттенрайх в то же самое время совершал свою традиционную прогулку, и, заметив неладное, он за долю секунды оказался рядом с нападавшим. Мужчины повалили злоумышленника на землю и не отпускали его до прибытия полиции.

Террористом оказался ученик портного Янош Либени, родом из Венгрии. По одной из версий Либени был венгерским патриотом, который надеялся, что со смертью императора падет австрийское господство и Венгрия обретет свободу.

Преступника-неудачника приговорили к смертной казни,

и спустя восемь дней приговор был приведен в исполнение: Либени повесили рядом с колонной Пряжильщицы на кресте (Spinnerin am Kreuz) в венском районе Фаворитен.

Оба спасителя императора прославились на всю страну. Адьютант Максимилиан О'Доннел был удостоен нескольких европейских орденов и стал почетным гражданином Вены, Праги, Пешта, Любляны и Загреба, получил право на строительство роскошной виллы в зальцбургском саду Мирабель. А бывший мясник Йозеф Эттенрайх получил лично из рук императора орден Франца-Иосифа, а спустя пять дней — Большую золотую медаль Вены; затем ему был дарован дворянский титул, и Йозеф стал именоваться не иначе, как рыцарь фон Эттенрайх.

Вена отметила неудавшееся покушение по-своему: Иоганн Штраус-сын написал в честь этого события марш «Счастлиное спасение императора». Более того, в ознаменование монаршего спасения Штраус устроил большой праздник в зале «Шперль». «Гостей было очень много,— писал один репортер, — а когда грянул новый марш капельмейстера Штрауса „Счастлиное спасение императора“, в который был вплетен австрийский национальный гимн, восторг слушателей просто не мог утихнуть, и только после пятикратного повторения этого подлинно патриотичного марша всеобщие эмоции немного уменьшились».

Тогда же в среде простых горожан родилась песенка об экзекуции над учеником портного, известная в австрийской

столице и по сей день. Там пелось:

*Auf der Simmeringer Had',
hat's an Schneider verwaht,
es g'schicht ihm schon recht,
warum sticht er so schlecht.*

«Наказание за дело, кто же бьет так неумело?

(*Es g'schicht ihm schon recht, warum sticht er so schlecht.*)» –

шутливо вопрошали венцы.

В 1871 году Австро-Венгрия признала провозглашение Германской империи и вступила с ней в альянс, в который до середины 1880-х годов входила и Россия. Это позволило державе Франца-Иосифа усилить свое влияние на Балканах. В частности, в ходе Русско-турецкой войны империя оккупировала, а затем аннексировала Боснию и Герцеговину, что привело к усилению разногласий с Россией и открытому противостоянию с Сербией.

Тем не менее, последовательно проводимые реформы в империи, несмотря на всю их умеренность, дали хорошие результаты. С введением всеобщей воинской повинности усилилась армия. Окрепили финансы. Строительство многочисленных железных дорог привело к промышленному подъему. Было объявлено равноправие исповеданий. Большие успехи достигнуты в области просвещения. Вена и другие города расширились и украсились прекрасными зданиями. Отчуждение с Пруссией, наступившее после 1866 г.,

было преодолено в 1878 г., когда Австро-Венгрия получила по решению Берлинского конгресса Боснию и Герцеговину.

В то же самое время, личная жизнь Франца-Иосифа постоянно сопровождалась трагедиями, а жизнь императорской семьи, в целом, неоднократно становилась предметом пересудов и скандалов.

У Франца-Иосифа никогда не было друзей, а со своей женой – баварской принцессой Елизаветой, известной в домашнем кругу как Сисси, – он был близок лишь в первые годы после свадьбы.

История брака Франца-Иосифа и Елизаветы, более известной как Сисси, происходившей из младшей ветви баварской династии Виттельсбахов, хорошо известна. Франц-Иосиф должен был жениться на старшей сестре Елизаветы – Елене, но отчаянно влюбился в пятнадцатилетнюю Сисси и настоял на браке с ней. Свадьбу сыграли в 1854 году. Франц-Иосиф оказался любящим и заботливым мужем, однако обстоятельства не способствовали счастью. Сисси не нравился этикет венского двора, она враждовала со свекровью, властной эрцгерцогиней Софией, а росшая с годами эксцентричность императрицы вызывала негодование в придворных кругах. А вокруг, – в императорской семье, – безумная, бессмысленная, безудержная, первородная ложь, интриги, зависть, сплетни и наушничество... Но императорский двор продолжает жить своей жизнью: каждое утро императрица Австро-Венгрии выбирает одно из украшений с боль-

шим камнем. Именно этот цвет камня становится самым модным в этот день. Об этом обязательно выходит статья в первом же номере венской газеты; как правило, журналист модного обзора не стесняется, и пройтись по тому, кого же хотела императрица своим выбором уязвить.

Каждый, для кого мода хоть что-то значит, должен раздобыть украшение с таким камнем, чтобы носить его в течение дня. Многие примы Венской оперы просто не примут подарок из камней не того цвета.

Главное событие модной жизни – бал в Венской опере. На балу все стараются выставить напоказ свои модные драгоценности или же скрыть их отсутствие. Всем модным – почет и уважение; все, кто «не смог», стараются избежать неловких замечаний. Помимо монархов и их супругов, в Императорскую ложу могут быть приглашены только соответствующе шикарным образом одетые дамы и господа.

Финал – утренняя газета. В той же колонке о моде, где объявляется новый цвет, автор пишет, кто вчера на балу выглядел чудесно с модными камнями, а у кого начались проблемы. Те, кто не был на балу, из газеты узнают, «с кем дружить, а с кем не стоит».

Отношения Сисси с матерью императора эрцгерцогиней Софией Баварской не сложились, что вскоре обернулось для Елизаветы нервным расстройством. Она заполняла свою тоску бесконечными ритуалами и косметическими процедурами, не сумела реализоваться в полной мере как мать, –

дети тоже стали ей чужие. Её, обладающую хрустальной душой, подавляла окружающая обстановка. Она хотела любить своего мужа, пыталась завоевать расположение своей све-крови, но не смогла.

Влюбленная в красоту, сама считающаяся одной из наиболее красивых женщин в Европе, она ежедневно жертвовала три часа на прическу, использовала вуали и зонтики от солнца, чтобы скрыть признаки старения лица; она принуждала себя никогда не улыбаться, чтобы скрыть дефекты зубов. Конечно, она вынуждена была возвращаться в ненавистную ей Вену для участия в больших балах или некоторых церемониях, от которых невозможно было отказаться, тем более что Франц-Иосиф не прекращал посылать ей нежные письма. Она поощряла длительные романы своего мужа, чтобы охладить его пыл к ней и освободить себя от супружеских принуждений. Как только представлялась возможность, она ездила в родную Баварию, особенно в свой любимый Поссенхофен, где жила вся ее семья, для того чтобы в этом городке почерпнуть нежность и понимание подальше от двора.

В двадцать один год Сисси, мать троих детей, лишенная любых проявлений свободы, ненавидимая своим окружением, поняла, что может иметь будущее, лишь бежав. И в 1860 году, сославшись на легочное заболевание, она впервые с момента замужества оставила Вену, чтобы побыть на солнце, анонимно, далеко от двора, на Мадейре. Она осталась там несколько месяцев, несмотря на взволнованные

и ежедневные письма Франца-Иосифа.

*Я на тебя гляжу, любуюсь ежечасно:
Ты так невыразимо хороша!
О, верно под такой наружностью прекрасной
Такая же прекрасная душа!
Какой-то кротости и грусти сокровенной
В твоих очах таится глубина;
Как ангел, ты тиха, чиста и совершенна;
Как женщина, стыдлива и нежна.
Пусть на земле ничто средь зол и скорби многой
Твою не запятнает чистоту,
И всякий, увидав тебя, прославит Бога,
Создавшего такую красоту!⁸⁶*

Потом в течение более чем тридцати лет она не прекращала свои дальние поездки, для этого у нее была специальная яхта. Она появлялась при венском дворе помолодевшая, с ожившим взглядом, чтобы тут же вновь потонуть в душевной нестабильности, из-за которой по Европе уже пошли слухи о ее сумасшествии. Она принуждала себя к жестким режимам, часами занималась конным спортом, гимнастикой или прогулками быстрым шагом. Во что бы то ни стало, Сисси стремилась выглядеть безупречно. Почти все время императрица проводила в путешествиях, редко встречаясь с мужем и почти не видя детей.

⁸⁶ Константин Романов. Я на тебя гляжу, любуюсь ежечасно...

Императрица не была создана для семейной жизни, поскольку, по свидетельству биографов, оставалась психически нестабильным человеком. Постоянные недомогания, которые она испытывала в Вене, имели характер невроза: стоило ей удалиться из нелюбимой столицы, как словно по волшебству исчезали навязчивая нервная анорексия и головные боли, возвращались силы и интерес к жизни. Елизавета любила одиночество, но не могла подолгу оставаться на одном месте, а потому колесила по Европе, вызывая пересуды в политических кругах и аристократических салонах.

Очарованная красотой греческого острова Корфу, она уговорила Франца-Иосифа построить там великолепную виллу Ахиллеон. Однако, пробыв на Корфу считанные недели, Елизавета уехала и больше там не появлялась. Впоследствии она просила императора продать имение.

Интересная деталь: Вену естественно сопоставлять и сравнивать с другой столицей Австро-Венгрии, с Будапештом. И первое же бросающееся в глаза существенное различие между двумя дунайскими столицами заключается в том, что Вена почитает и императора Франца-Иосифа, и супругу его Сисси. Будапешт же делает вид, будто никакого мужа у обожаемой горожанами Елизаветы не было вообще. В городе нет ни одного памятника императору, ни одной памятной доски, улицы или площади его имени. В сочетании с богатством топонимов, связанных с Елизаветой (а тут имеются район Елизаветы, бульвар Елизаветы, пло-

щадь, мост и три улицы Елизаветы: Erzsébetváros, Erzsébet körút, Erzsébet tér, Erzsébet híd, Erzsébet utca), выглядит это несколько неожиданно. Кажется, даже добродетельную Марию Терезию венцы не любили так безоглядно, как любили будапештцы взбалмошную и не желающую исполнять обязанности императрицы Елизавету.

Памятник императрице Елизавете установлен в Буде, в сквере возле моста ее имени. Памятник изображает Елизавету задумчиво сидящей на скамейке. Лицо ее невесело: повод для создания памятника к веселью не располагал. Императрица погибла от руки террориста 10 сентября 1898 года, и Будапешт немедленно заговорил о том, как должным образом почтить ее память. Были немедленно собраны деньги и проведены конкурсы скульптурных работ. Причем денег-то собрали с запасом, а выбрать подходящий вариант долгое время не получалось: все эскизы казались недостаточно выражающими любовь горожан к императрице, слишком помпезными и официальными. Только по окончании Первой мировой войны очередной, пятый, конкурс дал результат, и была выбрана скульптура Дьёрдя Залы (уже прославившегося Монументом Тысячелетия). Открывали памятник в 1932 году, на Пештской стороне города, причем статуя императрицы оказалась скрыта внутри павильона-ротонды, специально построенного возле Приходской церкви. Во время Второй мировой войны памятник отправился на склад, откуда был извлечен уже в 1986 году и установ-

лен на своем нынешнем месте, на Будайской стороне. Эта история отчасти объясняет нынешнее вечное одиночество бронзовой Елизаветы. Транспортная развязка моста – не самое подходящее окружение для нее, и сам сквер – не самое удобное место для прогулок. А печаль на лице императрицы, похоже, имеет и другое объяснение. В Будапешт она приезжала именно за радостью: за душевным весельем, за свободой, за беззаботностью. Она была из тех, кто не умеют создавать эту радость себе сами. Будапешт стал для императрицы необходимостью.

Франц-Иосиф любил жену и почитал мать, но на горе обеих был озабочен прежде всего теми обязанностями, к которым призывал его не брачный венец, а императорская корона. Его тоже можно понять: у него на руках империя, очень непростая, исполненная противоречий, разрываемая сепаратистскими наклонностями народов; одни венгры чего стоят. Можно понять и эрцгерцогиню Софию: монархия держится традициями, и стать императрицей значит взять на себя целый круг весьма серьезных обязанностей, и кто, если не она, должен обучить этому сноху? Легче всего понять саму Елизавету: она к этой роли оказалась просто не готова. Как скажет позднее австрийский доктор Ганс Банкль: «Она думала, прежде всего, о себе. С удовольствием пользовалась выгодами, которые приносило высокое положение, но не желала исполнять обязанности, связанные с этим положением».

ем».⁸⁷ Подобные суждения звучат категорично, но не лишены оснований. Сисси действительно ненавидела церемонии и приемы, стремилась как можно реже появляться рядом с мужем на официальных мероприятиях. Это часто ставило Франца-Иосифа в неудобное, если не сказать, – дурацкое положение. За спиной императора раздавались злые шуточки о «соломенном вдовце». Однако вряд ли мотивом действий императрицы являлся сознательный протест или холодный эгоизм. Елизавета стремилась к свободе, но не могла найти ее – не потому, что габсбургский двор стал для нее «золотой клеткой», а потому, что тюрьмой оказалась ее собственная душа. Романтический ореол, окружающий фигуру Сисси, не позволил многим писавшим о ней высказать «красивую» мысль: «императрица была психически нездорова», и именно это послужило главной причиной краха семейной жизни австрийской монаршей четы.

Франц-Иосиф, реалист до мозга костей, человек долга, обладавший невероятной самодисциплиной, представлял собой полную противоположность Сисси. Примерно с 70-х годов (императору тогда было едва за сорок, его жене немногим более тридцати) их брак стал формальностью. Елизавета большую часть времени проводила в путешествиях, изнуря себя диетами, длительными пешими и конными прогулками (она могла пройти быстрым шагом и почти без отдыха до тридцати километров), предаваясь меланхолическим раз-

⁸⁷ Банкль Ганс. Болезни Габсбургов.

мышлениям и сочинению стройных, но лишенных признаков большого таланта стихотворений.

В 1898 году жизнь Елизаветы трагически оборвалась: на берегу Женевского озера ее ударил в грудь заточенным напильником итальянский анархист Луиджи Луккени; спустя несколько часов, она скончалась. Умирала она спокойно, – боли почти не чувствовала, только слабела от потери крови.

Луиджи Луккени не хотел убивать именно Елизавету Австрийскую – просто поблизости не оказалось никого другого из представителей высших классов, а Луккени мечтал совершить героический поступок во имя светлого будущего.

Последним желанием Сисси было, чтобы ее прах был брошен в море, но императорский протокол требовал иного. Ее похоронили в фамильном склепе Габсбургов, недалеко от останков ее сына Рудольфа.

(Почему Сисси так популярна в современной Австрии? —

Она изводила себя диетами, как принцесса Диана.

*Она скакала на лошади и фехтовала,
как д`Артаньян.*

Она занималась фитнесом, как Джейн Фонда

Она выглядела, как Роми Шнайдер.

Она была убита, как Джон Кеннеди).

«Как я любил эту женщину!» – воскликнул император,

получив известие о гибели Сисси.

Впрочем, у Франца-Иосифа не было недостатка в дамах, желавших разделить его одиночество. В 1875 году на прогулке в парке дворца Шёнбрунн он повстречал юную Анну Наговски, жену железнодорожного чиновника. Случайная встреча обернулась многолетней тайной связью. Двое из троих детей Анны – дочь Елена и сын Франц, собственно, названный в честь императора, – судя по всему, были детьми Франца-Иосифа.

Дочь Елена впоследствии вышла замуж за австрийского композитора Альбана Берга, а сын Франц Наговски в 1930 году получил известность благодаря дикому поступку: в день столетнего юбилея Франца-Иосифа он отрезал себе мизинец левой руки и положил его на надгробие императора. Наговски был объявлен сумасшедшим и провел несколько лет в психиатрической клинике.

С Анной Наговски Франц-Иосиф поступил так, как многие люди, обладавшие богатством и властью, но не лишённые совести поступали с любовницами: он откупился от наскучившей подруги. В обмен Анна подписала обязательство молчать об отношениях с высочайшим любовником. Судя по всему, глубоких чувств между ними так и не возникло.

В середине 1880-х годов в жизни императора началась «эпоха Катарины Шратт» – женщины, остававшейся его подругой до самой смерти. Утверждают, что Катарина оказалась единственным человеком, который мог до слез рассме-

шить императора, человека серьезного и довольно меланхоличного, веселыми историями и анекдотами.

В 60-х годах XIX века младший брат Франца-Иосифа I Максимилиан при поддержке французского императора Наполеона III получил титул и корону императора Мексики, но в ходе мексиканской революции был пленен и расстрелян по приговору военного суда, а его жена, одна из сестер Сисси, сошла с ума.

Еще один младший брат – Людвиг-Виктор – завзятый коллекционер и кутила, оказался гомосексуалистом, за что был выслан из Вены в Зальцбург. При дворе Габсбургов он был известен своей язвительностью и неумением держать язык за зубами. Княгиня Нора Фуггер дала ему такое описание: «Принц в корне отличался от своих братьев, не имел пристрастий ни к военному делу, ни к искусству, был хилым, тщедушным, немужественным, манерным и имел безобразный внешний вид. Его боялись из-за любви к злословию. Он вел богатую светскую жизнь, знал все обо всех, даже то, что они сами о себе не знали, его язык кусал как жало ядовитой змеи. Он вмешивался во все дела, замышлял интриги и радовался, когда получалось раздуть из них скандал. Были все причины бояться его болтливости – ведь, в конце концов, он был братом кайзера».⁸⁸ Бояться Людвиг-Виктора приходилось даже императрице Сисси.

Последние годы жизни Людвиг-Виктор провел в затвор-

⁸⁸ Источник: Gay.RU Голубой принц.

ничестве, страдая от душевного помешательства, вызванного, по некоторым данным, сифилисом головного мозга.

30 января 1889 года единственный сын Франца-Иосифа, наследник престола кронпринц⁸⁹ Рудольф в имени Майерлинг покончил с собой вместе со своей возлюбленной Марией Вечерой якобы из-за того, что отец-император не соглашался на их брак.

Накануне наследник престола отправился в охотничий домик Майерлинг, а необъявленной гостьей была 17-летняя румынская баронесса Мария Вечера.

Пара прибыла в Майерлинг, императорский охотничий замок в 30 километрах к югу от Вены, днем в понедельник. Наследный принц без охраны и, как считалось, один, приехал якобы поохотиться со своим приятелем графом Хойосом и родственником – принцем Кобургским. Мария, которая была тайно вывезена из столицы, и чье присутствие в замке держалось в секрете от остальных гостей, была привезена для интерлюдии в романтическом стиле.

«Никого не допускай в мою комнату, даже самого императора», – приказал Рудольф своему лакею Иоганну Лошеку перед тем, как удалиться в спальню около двух часов ночи в среду, 30 января 1889 года. Лакей предположил, что наследник австро-венгерского престола просто желает провести ночь со своей страстной новой возлюбленной.

⁸⁹ Кронпринц (нем. Kronprinz, буквально принц короны) – титул наследника престола (обычно в тех случаях, когда это – старший сын монарха).

Утром, после многократных безуспешных попыток достучаться в дверь, лакей позвал графа Хойоса и принца Кобургского. Они приказали ему взломать дверь. После недолгих колебаний, Лошек выдал тайну: эрцгерцог Рудольф не один в комнате, с ним – Мария Вечера. Когда топором прорубили в двери отверстие, то увидели, что на кровати лежат полностью одетые эрцгерцог и Мария, оба мертвые. Молодая женщина держала в руках розу; ее любовник привалился к ночному столику, где стояло зеркало. Прострелив Марии голову, Рудольф использовал зеркало, чтобы прицелиться в себя.

Графиня Мария Клейнмихель, русская подданная – хозяйка великосветского салона в Санкт-Петербурге – писала в своих воспоминаниях: «В одной из моих поездок в Рим задержалась я на пару часов в Варшаве в доме маркиза Сигизмунда Велепольского, пригласившего меня на обед...

Велепольские мне сообщили, что они только что получили ужасную весть об убийстве эрцгерцога Рудольфа. В телеграмме, посланной им, подробности отсутствовали. Все были ошеломлены. В 10 часов вечера я уехала дальше, и едва переехала границу, как масса австрийских военных всех рангов брали в поезде с боем места, спеша в Вену. Волнение достигло кульминационного пункта. Одни толки противоречили другим, но ни разу не было произнесено слово „самоубийство“. „Это политическое убийство“, – говорили одни. „Это дело рук масонов“, – утверждали другие, третьи же говорили, что это убийство совершил фанатик, желавший

освободить католическую монархию от атеиста. Четвертые говорили о ревнивом муже, иные же утверждали, что это нечаянное убийство на охоте... В течение дня меня посетил барон Эренталь и рассказал следующее: эрцгерцог отправился в замок Мейерлинг, чтобы встретиться с госпожой Вечера, которая его там ожидала. Под утро после проведенной там ночи Рудольф убил Вечеру и затем лишил себя жизни. Не была лишь выяснена причина».⁹⁰

Постепенно картина событий стала проясняться.

Мария-Александрина фон Вечера была дочерью барона Альбина Вечера и его супруги Хелены Бальтацци. К 17 годам Мария стала считаться одной из самых завидных невест Австрии. Осенью 1888 года на ипподроме во Фройденау она встретила с 30-летним кронпринцем Рудольфом Францем Карлом Иосифом Габсбургским. Они влюбились друг в друга буквально с первого взгляда. Кронпринц Рудольф, неврастеничный, с извращенными вкусами, был все-таки по отношению к женщинам джентльменом. Он влюбился в Вечеру, которая ответила ему взаимностью. Ввиду того что он не хотел это чувство низвести до обыкновенной интрижки и чувствовал себя ответственным перед девушкой, которую скомпрометировал, то он решил на ней жениться. Сам он был несчастен в своем браке с принцессой Стефанией Бельгийской, поэтому обратился к своему крестному отцу Папе Пио

⁹⁰ Осин В. М. Дворцовые интриги и политические авантюры. Записки Марии Клейнмихель.

IX с душевной исповедью, в которой описывал ему всю драму своей жизни и молил его дать ему разрешение на развод, пусть даже ценой отречения от престола, что могло бы облегчить святому отцу исполнить его просьбу.

Но ответ Папы Римского был отрицательным. Кронпринц считал себя оскорбленным и обесчещенным и предложил Вечере вместе умереть.

Расследованием установлено, что Рудольф, после ночи любви, застрелил Вечеру, привел в порядок постель, уложил на нее труп, покрыл его шелковым покрывалом, на которое разбросал цветы, а затем застрелился сам. Ему было всего 30 лет, ей – 17.

Австрийский кронпринц Рудольф и румынская баронесса Мария Вечера

В патолого-анатомическом заключении от 31 января 1889 года о смерти кронпринца Рудольфа говорилось: его императорское и королевское высочество скончался в результате разрушения черепа и передней части головного мозга, что произошло в результате выстрела, совершенного в непосредственной близости от правой височной области, из револьвера среднего калибра. Смерть наступила мгновенно, а причиной самого выстрела явилось помутнение рассудка.

Многие историки утверждают, что это было вовсе не самоубийство, а политическое убийство. Сама императрица Елизавета (мать Рудольфа) также считала, что он был убит, но доказательств этому не было.

После трагической гибели любимого сына Рудольфа в охотничьем павильоне Майерлинга, Елизавета (Сисси) вот уже четыре года старалась избыть свое горе. Она была похожа на обезумевшую перед бурей птицу: императрица без устали металась по Европе, избегая только Вены, которую ненавидела всеми силами души.

*«Смерть и Время царят на земле, —
Ты владыками их не зови;
Всё, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви».*⁹¹

⁹¹ Соловьев Владимир. Бедный друг, истомил тебя путь..., 1887 г.

Монарх, дольше которого на троне в европейской истории не находился никто, был не в силах справиться даже с проблемами в собственном семействе. Что же говорить о многонациональной империи?

Как утверждает писатель Майкл Фарквар, все эти трагедии произошли «из-за проклятья некоей графини Каролины Королай, чей сын погиб во время венгерского восстания в 1848 году: «И небеса, и ад разрушат счастье императора, истребят его семью и всех, кого он любит, разрушат его жизнь и погубят всех его детей».⁹²

⁹² См.: Фарквар М. Самые непристойные скандалы из жизни правителей всех времен и народов. АСТ. Астрель, 2007.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.